

**ЭДУАРД
ТОПОЛЬ**

Когда мы были союзниками

**СЕНСАЦИОННО-ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ
РОМАН О «ВЗЛЕТАХ И ПАДЕНИЯХ»
ЛЕТЧИКОВ-СОЮЗНИКОВ ВТОРОЙ
МИРОВОЙ**

Эдуард Тополь

**Летающий джаз, или Когда
мы были союзниками**

«Эдуард Тополь»

2008-2016

Тополь Э. В.

Летающий джаз, или Когда мы были союзниками / Э. В. Тополь —
«Эдуард Тополь», 2008-2016

В книге рассказывается об операции «Фрэнтик» — общей советско-американской военной операции с челночными полетами американских тяжелых бомбардировщиков «Боинг В-17» в июне-сентябре 1944 года, целью которой было нанесение массовых авиационных ударов по важным военным и промышленным объектам нацистской Германии и её союзников. Полтавский аэродром стал авиабазой особого назначения... Роман «Летающий джаз» основан на реальных и драматических русско-украинско-американских любовных историях.

© Тополь Э. В., 2008-2016

© Эдуард Тополь, 2008-2016

Содержание

Часть первая	7
1	7
2	11
3	13
4	16
5	17
6	23
7	29
Часть вторая	32
1	32
2	38
3	40
4	42
5	44
6	46
7	47
8	49
9	50
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Эдуард Владимирович Тополь

Летающий джаз

© Э. Тополь, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

«И вспомнил он свою Полтаву...»

Александр Пушкин

«Хіба ревуть воли, як ясла повши...»

Панас Мирний

В Древней Руси февраль назывался «Лютень», и это название ему подходит куда больше, чем заимствованный из латыни february mensis. В ночь на второе февраля 1944 года в Москве было минус 32 по Цельсию, а в Подмосковье и того холодней – минус 36! Даже огромные сосны сталинской дачи стояли, не шелохнувшись, боясь стряхнуть шапки снега, укрывающего их от лютого мороза. Висевшая в воздухе морозная пыль ледяными иголками колола ноздри охранников-«топтунов», которые с собаками обходили в ночной темноте большой двухэтажный дом, накрытый маскировочной сетью на случай прорыва немецких бомбардировщиков. Второй наряд двигался за соснами под самым забором – высоким и увенчанным колючей проволокой. А третий шел за этим забором снаружи, по широкой контрольно-следовой снежной полосе между «Объектом» и местным лесом. Одетые в овчинные полушубки, шапки-ушанки и вооруженные новенькими автоматами ППШ, эти рослые сибиряки, отобранные лично начальником сталинской охраны генералом Николаем Власиком, ступали осторожно, по-лыжному, почти не скрипя на снегу валенками – знали, что сегодня тот редкий случай, когда Сам ночует на даче, и на них лежит высочайшая ответственность за спокойный сон Вождя, который мудро и уверенно ведет нашу страну к победе над проклятыми фашистами.

Но Сталин не спал. Конечно, вся страна знала, что Великий никогда не спит, ведь свет в окне его кремлевского кабинета никогда не гаснет. Но охране, генералу Николаю Власику, истопникам и поварам этой дачи было видней – они были ближе к Вождю, видели, когда Он приезжает, и знали, что вожди тоже люди, им нужен отдых. И, чтобы не тревожить его бесценный сон, они старались не скрипеть обувью, не повышать голос и по возможности вообще не дышать.

Между тем Вождь не спал. В спальне на втором этаже – просторной, с высокими двойными окнами, отделанной карельской березой и согретой чугунными батареями парового отопления – Он, полуголый, удивительно щедушный и костлявый, сидел на краю широкой кровати и, потягивая воздух через пустую данхилловскую трубку, в лунном полусвете рассматривал спящую Веру Давыдову, приму Большого театра и свою главную любовницу. Поразительная женщина! Действительно *поразительная* с первого своего выхода в роли Кармен на сцене Большого театра в 1932 году! Как она пела, какое божественное меццо-сопрано! А как двигалась! У всех мужиков «в зобу дыханье сперло» и живот поджало, а в конце спектакля весь зал вскочил и взорвался аплодисментами! Молотов, Ворошилов, Буденный и Тухачевский, сидя со Сталиным в правительственной ложе, наперегонки погнали своих адъютантов за корзинами цветов. Но Он, Сталин, знал, что не нужно спешить, с *такими* женщинами нельзя спешить. Тем паче, скоро Новый год, Он пошлет ей приглашение в Кремль на банкет, посадит за стол рядом с собой и потом...

С тех пор уже десять лет она принадлежит ему. Да, хотя Он ни в грош не ставит баб, и помимо Давыдовой в спальнях его московских и крымских дач перебивали за эти годы и другие звезды Большого, которыми Он пытался перебить свою тягу к Давыдовой, но (как сама Давы-

дова вспоминает в мемуарах «За кремлевской стеной. Я была любовницей Сталина») всякий раз, когда ему становилось неважно от непосильной работы, усталости и злости на радикулит и ревматизм, Он звонил ей и посылал за ней машину или самолет. И вот она снова в его постели – красивая, нестареющая, с высокой грудью, стройными ногами и такая вкусная, что даже Он теряет над собой контроль и в свои шестьдесят пять превращается в пылкого мальчишку. К сожалению, очень ненадолго и совсем не так, как до войны, когда с любой бабой Он был таким неутомимым джигитом, что они задыхались под ним и со слезами просили прекратить его бешеную скачку. Да что вспоминать! Говоря словами расстрелянного еврея Бабеля, Он «мог переспать с русской женщиной, и русская женщина оставалась им довольной». Но теперь... Теперь они его утомляли – все эти певички и балеринки. Ревностно демонстрируя свои сексуальные таланты, они мгновенно выжимали из него все соки и заставляли злиться на свою старческую немощь. И только эта Вера всегда чувствовала лимит его возможностей, идеально укладывалась в этот лимит и тут же убаготворенно засыпала. Но даже во сне от ее тела исходит такое мягкое, такое врачующее тепло, что только с ней ему не противно *после этого*, только возле нее Он может просто отдыхать, думать или даже не думать ни о чем. Может, жениться на ней? Но нет, Он не может жениться, Вера размягчит его, а Он не имеет права расслабляться больше, чем на одну ночь в два или даже в три месяца. Потому что на нем вся война. И разводка подкованных интриг так называемых «сталинских соколов» – Берии, Молотова, Ворошилова, Буденного, Кагановича. И еще изнурительная «дружба» и переписка с Рузвельтом и Черчиллем. Союзники, хреновы! Третий год тянут с открытием Второго фронта, откладывают с весны на осень, а теперь вот с осени на весну. Ждут, когда Он вычерпает последние резервы страны, и Красная армия выдохнется так, что уже не в силах будет оккупировать Европу. Вот тогда они, конечно, и ринутся в нее с юга через Италию и с запада через Ла-Манш. И ничем их не проймешь, сволочей, даже угрозой его сепаратного мира с Гитлером, слухи о котором Он распространил через свою европейскую агентуру.

Ладно, не стоит злиться, не для того Он вызвал красавицу Веру. Сегодня Он сыграет Сталина-добряка и бросит союзникам кость, чтобы не было у них никакого предлога снова отложить открытие Второго фронта. Вера Давыдова, ее тепло, ее податливая мягкость согрели его так, что даже ревматизм и радикулит подевались куда-то, забылись, что ли? Как хорошо, что она есть – теплая, как парное молоко, сладкая, как горный мед, и пьянящая, как его любимое грузинское вино «Телиани». Да, сегодня Он бросит Рузвельту кость... И, кажется, эта кость будет называться – Полтава...

Часть первая Полтава

1

Если на монитор вашего компьютера поместить карту Европы и оживить ее событиями Второй мировой войны, то легко увидеть, что от Нормандии и Англии на западе до Волги и Каспия на востоке она была вся в огне непрерывных бомбежек, пожаров, взрывов и кровопролитных танковых, артиллерийских и людских сражений. Миллионы тонн авиационных бомб, пушечных снарядов, мин и вообще всего, что могло взрывать и стрелять, перепахали цветущие поля, сады, города и деревни Чехии, Венгрии, Франции, Англии, Югославии, Германии, Румынии, Польши, Белоруссии, Украины, Прибалтики и европейской части России. А в Азии японцы бомбили Бирму и Китай. А в Африке итальянцы и немцы сражались с французами и англичанами за Кению, Судан, Сомали и Мадагаскар... За всю историю нашей планеты еще никогда ее тело не кромсали, не взрывали и не пытали так, как с 1939 по 1945 год. Восемьдесят процентов населения Земли, больше шестидесяти стран принимали участие в этой войне, в сорока из них шли бои, и те, кто выжили в этом аду площадью в 22 миллиона квадратных километров, знали, что им невыносимо повезло. Но... Даже тогда, когда танки, штыки и пулеметы отодвигали от них огненный смерч фронтового ада, и непривычная тишина воцарялась над клочком их освобожденной земли, даже тогда нужно было второе чудо, чтобы еще раз выжить на этой убитой земле – искромсанной, заваленной руинами и трупами людей и животных.

В апреле 1944 года тридцатитрехлетняя Мария, мать Оксаны, поняла, что с ней случилось это второе чудо. Нет, не второе – двадцатое, сотое! А самое первое было давно, в другой жизни, аж до войны, в 1928 году.

Тогда, накануне голодомора, в украинском хуторе Горбовка, что под Полтавой, Мария родила Оксану. Она родила ее чудом и на два месяца раньше срока – просто скинула, когда топтала кизяк, – крошечную, весом меньше двух килограммов. Но – живую! И почти тут же в их судьбу вмешался Иосиф Сталин, которого Мария не знала – он жил где-то далеко-далеко, в России, в Москве. Да, это просто удивительно, как один человек откуда-то издали, из какого-то Кремля, может изменять жизнь людей, которых он не знает, никогда не видел и не увидит. В 1928 году Сталин приказал «ликвидировать как класс» всех так называемых кулаков – зажиточных крестьян, имевших свое собственное хозяйство. И буквально через два месяца после рождения Оксаны к ним на хутор ворвались вооруженные энкавэдэшники. Они разбили иконы, вычистили все домашние запасы еды и два погреба с продуктами, разгромили и хлев, и курятник, забрали весь инвентарь вплоть до последней косы и реквизировали всю живность – трех лошадей, двух коров, свиноматку с поросятами и даже петуха с курами и цыплятами. А мужа Марии, двадцатишестилетнего Васыля, вместе с его пятидесятипятилетним отцом раздели до исподнего и пехом погнали в Полтаву, в пересыльную тюрьму – тогда, в 1928-м, Сталин, еще не войдя во вкус Большого Террора, «скромно» приказал отправить в трудовые лагеря «всего» 60 000 кулаков. Изъятую у них пшеницу он продавал за рубеж, а на полученную валюту закупал американские грузовики и другую технику для индустриализации – строительства Днепрпрогэса, Сибирской железной дороги и прочих «сталинскихстроек», возводимых трудом арестованных. Эту трудовую армию эков и должны были пополнить раскулаченные горбовские хуторяне. Только не довели их до Полтавского пересыльного пункта – ночью тридцать шесть

арестантов разоружили охрану и рванули в лес. Но утром были окружены энкавэдэшниками и гэлэушниками и расстреляны.

Так по воле Сталина новорожденная Оксана лишилась отца и деда. А Марию с дочкой и сорокапятилетней свекровью уплотнили, к ним на хутор подселили две семьи многолетних бедняков-колхозников. И теперь у них во дворе вместо кур, гусей и поросят копошились в пыли и грязи семеро малышей с распухшими от голода животами. А их отцы не столько работали в колхозе, сколько воровали с полей свеклу да капусту и гнали из ворованной свеклы самогон, а потом спьяну лезли под юбки к Марии и к ее свекрови. Поначалу Мария и бабушка Оксаны отбивались от недолюдков, как могли, но в конце концов один из них все-таки справился с отощавшей свекровью, завалил ее в сарае, а когда сделал свое дело и встал, женщина уже не дышала. Но он и от этого не протрезвел, а зашел в комнату к Марии, которая, трясаясь от страха, сидела с ребенком, и сказал:

– Пиди у сарай. Здається, упек я твою свекру. Чо зэньки лупішь? Чи не будеш давати, і тебе упечем з кумом на пару.

Убедившись, что свекровь мертва, Мария схватила крошку Оксану, привязала хустиной себе за спину и ушла с горбовского хутора в Полтаву, к своей матери. Хотя от Горбовки до Полтавы аж шестьдесят километров, но идти по дороге Мария боялась, лесами обогнула Жарки, Санжары и Зачепиловку и – босая – шла до Полтавы трое суток. Питалась июньскими лесными ягодами, кореньями и мхом. Голодная Оксана скулила за спиной, а когда Мария совала ей в рот свои тощие сиси, дочка сначала жадно сосала и даже больно щемила их беззубыми деснами, а потом принималась плакать – сиси были пусты. Голыми руками Мария выкапывала коренья репейника и крапивы, мыла их в лесном ручье, жевала до мякоти, но не глотала, а эту жеваную, со своей слюной, мякоть совала дочке в рот. Оксанка удивленно смотрела на мать круглыми, как пуговики, глазками, но все же сосала и так засыпала. Мария снова заворачивала ее в застиранную хустину, через плечи завязывала концы крест-накрест на груди и по лесным тропинкам шла дальше. Сквозь редкий подлесок ей открывалась горестная картина. Всего три года назад, когда на собственной бричке, запряженной фыркающей молодой кобылой, Васыль вез ее, пятнадцатилетнюю невесту, из Полтавы на свой горбовский хутор, они ехали мимо бескрайних урожайных полей – золотая, высокая и готовая к жатве пшеница, чубатая и мощная, ростом в три метра, кукуруза, желтые и тяжелые от спелых семечек головы подсолнечника. Красивые, крашенные белой с синевой известью хаты с соломенными и камышовыми крышами и зелеными ставнями стояли живописными хуторами в тени высоких серебристых тополей, яблоневых и вишневых садов. Густыми ветвями деревья пышно выпирали над тынами, а над всем этим кипеньем жирного полтавского чернозема деловито гудели медоносные пчелы. На холмах высились церкви с зелеными или даже золотыми куполами. А когда молодожены въезжали в малые и большие села, Васыль то и дело натягивал поводья – неторопливые семьи тяжелых гусей и уток, тучные свиноматки с поросятами, сварливые куры и индюшки с индюшатами, словно наглые цыгане с цыганятами, перегораживали дорогу.

Но теперь ничего этого не было и в помине – кому это все мешало? В обнищавших деревнях возле облупившихся и давно некрашенных хат не было ни сараев, ни амбаров, ни хлевов, их снесли на стройматериалы для колхозных построек. Церкви или порушили, или превратили в загаженные склады колхозного инвентаря. В полях чахлая пшеница забивает бурьян и хмель.

Хутора, которые раньше утопали в садах, либо заколочены угнанными в Сибирь раскулаченными, либо заселены ледащими колхозниками, которые и не думают содержать их в прежнем виде, поскольку ухоженность и достаток – это первый признак возврата к кулачеству. Гордая нищета – визитная карточка новой советской власти...

Чтобы добраться до полтавской окраины, на крутой обрыв Лавчанского Пруда, где мать Марии, Фрося, бобылихой жила в хате-мазанке (в 1915 году ее муж, отец Марии, погиб под Горлицей на войне с Германией и Австро-Венгрией), нужно было пересечь полгорода с юга

на северо-запад. Но Мария не решилась идти днем по центральным улицам, а дождалась темноты и пошла через город поздним вечером, почти ночью. Ночной город поразил ее. Несмотря на продрозветку и голод в сельских районах, на центральной улице (теперь она называлась Жовтнева или Октябрьская) почти во всех кирпичных домах окна горели электрическими огнями, в ресторанах звучала музыка, в кинотеатре у круглого Корпусного сада висела цветная афиша фильма «Обломок империи», а из сада так остро пахло сиренью, что Оксана, спавшая за спиной у Марии, расчихалась во сне. Тут навстречу Марии гулко зацокали по брусчатке два конных всадника, и Мария спешно свернула в первый же переулок.

Всадники, однако, тут же догнали ее.

– Стой! Куды идешь?

И две фыркающие лошадиные морды ткнулись в лицо.

Но Мария двумя руками отважно погладила потные лошадиные лбы. И усмехнулась:

– Домой, куда ж ище с дитем-то?

Старший чубатый всадник блеснул зубами под рыжими усами и подтянул поводья:

– Тпрр!.. А дэ живэш?

– На Прудах. Лавчанский тупик.

– А чому ночью с дитем шастаешь?

– Так до дохтора ее носила. Поносит она. Хошь понюхать?

Он замахнулся нагайкой:

– Я те кнута дам понюхать!

Мария отшатнулась, защищая дитя за спиной.

И пару секунд они в упор смотрели друг другу в глаза – рыжий и чубатый, с поднятой в руке нагайкой, и босая восемнадцатилетняя Мария. И чубатый почему-то не выдержал взгляда Марии – вместо того, чтобы огреть ее нагайкой, он стегнул свою кобылу и ускакал в бешенстве. А второй всадник, моложе, нагнулся со своего коня и сказал:

– Ты хоть знаш, кому перечила?

– Кому?

– Кривоносу! – сообщил парень и поскакал за своим начальником.

Мария не знала никакого Кривоноса и тут же забыла о нем.

В те годы Полтава своими кирпичными домами только в центре походила на город, а чуть отойдешь – просто огромное село на 130 тысяч жителей: глиняные хаты-мазанки с сараями, огородами и садами за плетеными тынами. Но Мария родилась тут и знала каждую улочку. Она подходила к Прудам и представляла, как, дойдя в конце Лавчанского тупика до старого тына у материнской хаты, тихо, шепотом позовет ушастую дворняжку Пальму, и как эта Пальма, скуля от радости, заюлит у тына. Тогда, перекинув руку через невысокую калитку, Мария откинет навесной крючок, тихонько войдет во двор, негромко постучит в закрытое ставнями окно и скажет:

– Маты, цэ я, Мария...

Так почти и вышло, только Пальма не отозвалась и не прибежала к тыну. Зато калитку Мария тихо открыла, и в ставню негромко постучала, и мать позвала. Однако никто ей не ответил даже тогда, когда она уже кулаком стучала по ставням. А входная дверь оказалась, как ни странно, вообще не запертой, а сорванной с петель и лишь прислоненной к дверному косяку.

Боясь самого худшего, Мария осторожно вошла в темные сени и тут же, через два шага споткнулась обо что-то, кулем валявшееся на полу. Она нагнулась, потрогала – о господи! то была ее мать! Избитая, вся в крови, без сознания, но, слава богу, еще живая.

– Мамо, шо трапылось?

Мария сняла со спины спящую Оксану, переложила на лавку и потащила мать в горницу.

– Ні! Не вбивайте! – вдруг забормотала мать. – Хлопці, не вбивайте мене!

– Маты, це я, Мария...

Оказалось – Пальма сдохла год назад. А теперь банда голодных подростков, каких в тот год были сотни в каждом городе, высмотрев одинокую женщину, живущую на отшибе, ночью взломали двери, приставили нож к горлу: где сало, мясо, хлеб? А у матери не было ничего, кроме остатков прошлогоднего жмыха и своего – с грядки во дворе – цибули-лука. Но пацаны не поверили, перевернули все в хате вверх дном, слазили в подпол и в хате, и в сарае, но и там не нашли ничего, кроме пустых глиняных крынок. От голодной злости они избили хозяйку и ушли, а дверь прислонили к косяку, чтоб соседи не встревожились открытой хатой. Истекая кровью, мать попыталась выползти из хаты, но у самой двери потеряла сознание.

Вот и получилось второе чудо – приди Мария часом позже, не спасла бы мать.

2

А через неделю – новое чудо: Мария устроилась на работу.

– Та-ак... – усмехнулся Кривонос, цепким взглядом оглядывая босые ноги Марии и все, что было выше:

крепкие бедра в застиранной юбке, высокую грудь под темной блузкой и круглое кареглазое лицо, увенчанное пшеничной косой под ситцевой косынкой. – И кто ты будешь? Муж есть?

– Был, – сказала Мария. – Убили, как кулака.

Кривонос повернулся к адъютанту:

– И на шо ты ее привел?

– Так полы мыть, – сказал тот. – И вам одежду стирать. Зоя-то, старуха, вмерла.

Да, много позже, когда дочь подросла, Мария не раз рассказывала ей, что даже при продразверстке и голодоморе вся их жизнь была цепью чудес. «Ну, хіба не диво, – говорила Мария, – що коли уси голодували и я ходіла по Полтаві боса и шукала хоч якоїс роботи, на мене знову наїхав конем Микола Гусак, адъютант Сэмэна Кривоноса...»

Но узнал и привел на Октябрьскую улицу прямо в Полтавский райотдел ОГПУ-УНКВД, который и занимался раскулачиванием, а также арестом анархистов, меньшевиков, бундовцев, боротьбистов, петлюровцев, эсеров, бывших белогвардейцев, антисоветски настроенных интеллигентов, священников и бандитов. То есть к тому самому Кривоносу, который, возможно, и руководил расстрелом раскулаченных горбовских крестьян.

Кривонос поскреб небритый подбородок, снова цепко глянул на Марию и вдруг сплюнул сквозь зубы на пол. Затем усмехнулся, глянув Марии в глаза:

– Вымоешь?

Мария посмотрела на этот плевок, потом на Кривоноса.

– Вымою. Якшо тряпку дастэ.

Подошвой пыльного сапога Кривонос растер свой плевок по дощатому полу.

– Добрэ. Попробуем тебя. Тільки щоб усё чисто було! Иди...

«Усё» – это два коридора и тринадцать кабинетов на первом и втором этажах, лестница, крыльцо и два нужника на заднем дворе.

Поскольку сотрудники ГПУ работали за полночь, Мария приходила на работу в полпятого утра, будила колченогого коменданта Охрима и под его присмотром приступала к уборке – сначала на втором этаже в кабинете Кривоноса, затем в кабинетах следователей и оперов, а потом в коридорах и нужниках. И если у Кривоноса в кабинете кроме грязи на полу, груды окурков на столе и под столом и пыли на шкафу и подоконнике не было ничего приметного, то в кабинетах следователей стены были постоянно забрызганы кровью арестованных врагов советской власти. Хотя со времени установления этой власти прошло уже больше десяти лет, число ее врагов почему-то не сокращалось, а, наоборот, все росло и росло в соответствии с получаемой из Москвы разнарядкой на поставку рабочей силы в трудовые лагеря. И потому со своими врагами эта власть расправлялась со стальной твердостью товарища Сталина – во время коллективизации 1928–1929 года органами ОГПУ было подавлено в СССР более 13 000 бунтов, осуждено на тюрьмы и лагеря 2 026 800 человек и изъято больше миллиарда пудов хлеба. Одним из самых активных борцов с врагами советской власти был Семен Кривонос, тридцатилетний большевик и герой Гражданской войны. Когда в мае 1925 года полторы тысячи полтавских безработных громили здание исполкома, он сам примчался туда на тачанке с пулеметом и несколькими очередями в воздух разогнал толпу. За что и получил от Дзержинского красные штаны-галифе, которые носил теперь только по праздникам и особым случаям. С такой же решительностью и отвагой он разбирался с арестованными кулаками, меньшевиками, троцкистами, незалежниками-петлюровцами и бывшими белогвардейцами.

Но Мария этих несчастных не видела – к семи утра она заканчивала уборку и с мешком стирки уходила домой задолго до того, как из двух полтавских тюрем, что на улицах Пушкина и Фрунзе, привозили и приводили на допрос первых арестантов.

Правда, недели через две, в шесть утра, когда Мария заканчивала мыть пол в кабинете Кривоноса, он собственной персоной шагнул через порог. На нем была белая косоворотка (выстиранная и выглаженная Марией еще три дня назад), красные галифе (тоже выстиранные Марией) и до блеска начищенные хромовые сапоги. Кивком отправив из кабинета колченогого Охрима, он сел за свой стол и стал смотреть, как Мария домывает пол. Поскольку с мокрой и тяжелой, из мешковины, тряпкой приходилось нагибаться до пола, Мария физически ощущала цепкий взгляд Кривоноса на своих ягодицах и бедрах.

– Ну, хватит вже мыть! – не выдержал он. – Иди до мэнэ!

Мария с первого дня знала, что рано или поздно такой момент наступит. Магнетическую силу своей фигуры знает каждая красивая женщина, и Мария убеждалась в этом всякий раз, когда шла по полтавским улицам. Нет, она не считала себя красавицей, но что-то в ее походке, стройной фигуре, крутых ягодицах, высокой груди, гордо поднятой голове, ярких глазах и пшеничной косе – что-то во всем этом было такое, от чего мужики не могли оторвать глаз, даже когда шли под руку со своими женами. Теперь она медленно выпрямилась и, глядя Кривоносу в глаза, с силой выжала в ведро черную воду из половой тряпки. С этой тяжелой, мокрой, свернутой жгутом тряпкой Мария стояла и ждала – если он подойдет и попробует взять ее силой...

Но он не подошел. И даже не повторил своего требования.

Мария нагнулась, взяла дужку ведра и, не сгибаясь от его тяжести, вышла из кабинета. Босая, с тяжелым ведром в руке она все равно шла той самой своей походкой, которая, как магнитом, всегда притягивает мужские взгляды. И она знала, чувствовала, как Кривонос смотрит ей вслед...

Когда через час она домывала пол на первом этаже, к ней, гулко стуча сапогами, сбегал по мокрой лестнице Микола Гусак, адъютант Кривоноса. Мария была уверена, что сейчас он объявит об ее увольнении. И только гадала – заплатят за две недели работы или уволят, не заплатив ни гроша?

Но вместо увольнения Микола вручил ей заборную книжку с продовольственными карточками второй категории.

– Шоб ты знала, – сказал он, – з сегодняшнего дню ты советска служаща! А скоро и паспорт получишь!

Получение продовольственной карточки второй категории, по которой Мария, как служащая, имела теперь право на покупку трехсот граммов хлеба в день (к первой категории относились только рабочие) и еще по двести граммов на иждивенцев (дочку и мать), плюс двести граммов жиров и литр подсолнечного масла в месяц, означало спасение от наступающего голода!

А ведь она так и не «дала» Кривоносу! Ну, разве ж это не чудо?

3

Конечно, одним заходом посягательства Кривоноса на женские прелести Марии не ограничились. Но если он входил в кабинет тогда, когда Мария мыла пол, она тут же подхватывала ведро с водой и уходила, оставив пол недомытым. Кривонос молча смотрел ей вслед и, вздохнув, садился за свой стол читать очередные указания руководства ОГПУ и писать этому руководству свои донесения:

В Полтаве на заборах кирпичного завода и мукомольной фабрики обнаружены листовки следующего содержания:

«Братья, тяжелое время на Украине. Палачи грабят, обдирают и нашим народом тюрьмы заполняют. Сибирь взрыта могилами, где лежат замученные наши братья. Оставшийся народ замучен голодом, босый и голый, молчит и терпит нужду. Ждет откуда-то спасения, а комиссары и коммунисты над вами смеются. Люди, люди, что вам будет, когда хлеб поспеет. Вас обдерут комиссары, оставят голых, босых и голодных. Пора, братья, давать палачам отпор. Не давайте хлеба, требуйте сапог, одежды. Рабочие, спасайте себя, бросайте работу, требуйте хлеба, одежды, и мы придем на помощь и выречим вас. Красная армия, не бейте братьев, палачи ограбили ваших отцов и вас грабят. “Махновский совет”».

«Товарищи, страна наша превратилась в разряженную тощую девицу, жизнь которой сочтена и спасти которую можно не поддельными нарядами, а свежей переменной атмосферы. Да здравствуют грядущие бои, да здравствует угнетенный хлеботорб и обманутый рабочий! Да здравствует вольная мысль! Долой опекунство партии! “Бюро Правых и Левых Эсеров”».

«Товарищи крестьяне! Вот уже несколько лет, как наша страна наглухо прикрыта чугунным колпаком диктатуры, под которым задыхается все живое. Ни в одной стране Европы положение крестьянина не является столь безотрадным, как в СССР. В Дании, например, половина крестьянских хозяйств имеет по пяти коров и больше. А у нас в стране не только такие хозяйства, но даже менее мощные немедленно объявляются кулацкими, и против них начинается травля. Их владельцев лишают избирательных прав, облагают непомерным налогом, исключают из школ их детей. У нас надо быть нищим, бедняком, полупролетарием, живущим за счет кредитов от государства и не платящим никаких налогов, – только тогда будешь считаться опорой Советской власти. Политика Батыя во времена татарского нашествия была разумнее политики Советского правительства. А вспомните, что обещало вам это правительство в первый год революции. Обещало свободу и равенство (дало рабство и несправие). Обещало довольство и сытость (дало небывалую бедность и безработицу). Обещало радость и братство (дало уныние, ненависть и злобу). Товарищи крестьяне! Коммунистическая партия правит от имени рабочих, но она их не спрашивает. Сталин и Молотов правят от имени коммунистической партии, но они ее тоже не спрашивают, действуя через продажного партийного чиновника. Сама коммунистическая партия впитала в себя сейчас столько подхалимов и проходимцев, что стала сборищем всякого сброда, который душит голоса и действие оставшихся честными чудаков-коммунистов. Такая партия – стадо, готовое повиноваться кнуту любого погонщика. Для большинства нынешних коммунистов партийный билет является продовольственной карточкой. И вот

такая-то партия строит социализм. Товарищи крестьяне! Политика Сталина провоцирует гражданскую войну. Власть натравливает одну часть деревни против другой и на этой розни хочет держаться, как царизм на еврейских погромах. Не поддавайтесь провокации. Готовьтесь к борьбе за все то, что отняло у вас существующее правительство. Дни сталинской диктатуры сочтены. Сталинского социализма наша страна больше не хочет, как не захотела его Европа. Долой диктатуру! Да здравствует власть свободно избранного собрания народных делегатов! «Союз Освобождения России»».

В связи с появлением таких листовок оперативными действиями Полтавского ОГПУ при массовой операции по белой контрреволюции арестован бывший помещик Гудим-Левкович, который показал о наличии в г. Полтаве с 1926 г. контрреволюционной офицерской организации «Союз Освобождения России». Организация делала ставку на военное выступление Польши совместно с белоэмигрантскими войсками. Гудим-Левкович дал показания о руководстве организации – Руководящем комитете в составе двух бывших офицеров Мамчура, Ушацкого и бывшего крупного собственника Огурка. Уделялось особое внимание вовлечению в контрреволюционную работу учащейся молодежи. «Комитет» был связан с Москвой, Ленинградом и Харьковом, отдельные члены организации выезжали с заданиями в села Полтавского и Киевского округов и в Одессу. Гудим-Левкович показывает о связях организации с французским посольством в Москве, которое якобы было в курсе деятельности организации, давало указания и снабжало средствами. Сам Гудим-Левкович якобы получал для организации из посольства 400 долларов и был связан с секретарем посольства Верленом. Ведется интенсивная работа по проверке показаний Гудим-Левковича...

Одновременно совместными действиями Полтавского и Харьковского ОГПУ вскрыта эсеровская повстанческо-террористическая организация «Областное объединенное бюро правых и левых эсеров». Организация проводила вербовочную работу, были созданы диверсионные группы, в Оргбюро разрабатывались планы терактов против руководителей ВКП (б) и Советского правительства. Отдельные члены организации, работая на ответственных должностях, проводили вредительскую деятельность для осуществления своей конечной цели – вооруженного свержения Советской власти, для чего изыскивали пути установления контактов с правящими кругами фашистских стран – Германии, Польши, Японии. На сегодняшний день арестованы все члены Оргбюро в количестве 17 человек и еще 79 завербованных (поименный список прилагаю) ...

Устав от этой работы, Кривонос выходил из кабинета на лестницу, закуривал и молча наблюдал, как внизу Мария домывает пол в коридоре на первом этаже.

Неизвестно, чем бы закончилась эта молчаливая игра, если бы весной 1930 года Кривоноса самого не арестовали по громкому делу «Союза вызволения Украины», который, оказывается, «имел целью свержение советского правительства и превращение Украины в буржуазную страну». Как сообщили газеты, все сорок обвиняемых признали себя виновными, однако, «принимая во внимание их искреннее раскаяние на суде», смертная казнь была заменена восьмью годами лишения свободы. Порой, в начале тридцатых, советская власть еще проявляла великодушие...

Впрочем, по пятнам крови на стенах и на полу в кабинетах следователей ГПУ Мария уже знала, как признают себя виновными любые обвиняемые. И хотя теперь та же участь постигла самого Кривоноса, который не только раскулачивал полтавских крестьян, но, возможно, при-

нимал участие в расстреле ее мужа и свекра, Мария не чувствовала никакого удовлетворения от его ареста. Наоборот, она навсегда запомнила взгляд, которым Кривонос посмотрел на нее, когда прибывшие из Харькова оперативники областного ГПУ повели его мимо нее по лестнице, которую она домывала. В этом взгляде было все, что может сказать мужчина отказавшей ему женщине, когда его с заломленными за спину руками уводят от нее навсегда, на смерть – и укор, и прощанье, и какой-то мгновенный, как вспышка магния, охват всей ее фигуры, лица, глаз и даже половой тряпки у нее в руках. Ей показалось, что мысленно он просто поднял ее на руки и унес с собой – на пытки, на суд, в сибирский лагерь...

И еще долго после этого, еще, наверно, много месяцев Мария, лежа без сна со своей двухлетней дочкой, вспоминала этот взгляд и думала: а шо було бы, як бы она уступила Кривоносу? Нет, не в первый, конечно, раз, а потом, после...

После Кривоноса, с 1930 по 1938 год, в Полтавском районном ГПУ сменилось четыре начальника, и каждый из них, конечно, претендовал на Марию, а двое даже силой пытались овладеть ею, но она отбилась и отказала им всем. И не потому, что записала себя в монашки, а просто каждый раз вспоминала тот взгляд Кривоноса. И в этой ее упертости была какая-то особая, чуть ли не назло самой себе, принципиальность: уж если я тому не дала, то этим и подавно!

4

Между тем время текло, как вода в ручье, который по весне заполнял Лавчанские Пруды. Летом к одному из таких прудов, северному, трехлетняя Оксана спускалась сначала с матерью, бабушкой и с мешком одежды гэпэушного начальства. Тут они втроем и купались, и плавали, и стиркой занимались. А потом, когда Оксана стала подрастать, а бабушка перестала ходить в церковь, поскольку большевики все церкви закрыли, согнулась и даже с палкой не решалась спускаться с обрыва, стиркой уже занимались только Мария и Оксана. Зато плавать Оксана здесь научилась – просто как русалка! С любой высоты ухнет в воду и – нет ее! Минуту нет, полторы – у Марии уже сердце останавливалось, пока эта озорница не выскакивала из воды в совершенно неожиданном месте – возле одной не то пещеры, не то землянки, оставшихся еще с Первой мировой войны...

В начале двадцатых годов в ближайшей к Полтаве западной деревне Пушкаревке были вместо скрытых церкви и монастыря построены открытые, окруженные земляными валами стрельбища 73-го полка Красной армии, а в трех километрах на север от Прудов стал строиться аэродром. Точнее, поначалу там было просто поле для планеристов ОСОАВИАХИМа, затем появилась Всеукраинская школа летчиков, потом – единственные на всю страну Высшие курсы штурманов ВВС, а в конце тридцатых – уже полноценный аэродром с твердым покрытием для тяжелых самолетов 1-й Авиационной армии особого назначения. То есть для бомбардировщиков. Первые пару лет жители тихих Прудов глухо роптали на эхо снайперской стрельбы, долетавшее к ним с Пушкаревского стрельбища, и, особенно, на ревущую в небе авиацию. Но затем как-то привыкли к взлетающим над их головами двухмоторным бомбардировщикам Петлякова Пе-2 и четырехмоторным тяжелым бомбардировщикам Туполева ТБ-1, а подрастающая Оксанка и другие подростки даже радостно выбегали из хат и махали летчикам платками, косынками и пионерскими галстуками. Пионерская организация, советский вариант скаутов, возникла в СССР в 1922 году по инициативе жены Ленина Надежды Крупской, а с тридцатых годов участие в пионерских организациях, руководимых сталинской партией ВКП (б), стало обязательным для всех школьников в возрасте от семи лет. Дети, с их природной склонностью к стадности, с удовольствием маршировали под партийные гимны и легко усваивали большевицкие грезы о скором построении коммунистического рая...

Однажды, летом 1939-го, под рев взлетающей эскадрильи ТБ-1 (от их грохота даже вишни в садах усыпали землю крохотными белыми лепестками) неслышно открылась калитка, и во двор вошел коротко стриженный, с седым бобриком мужик в сером потертом пиджаке, парусиновых брюках и с фибровым чемоданчиком в правой руке. Мария, возившаяся в огороде, выпрямилась, всмотрелась и узнала его – Кривонос!

Какое-то долгое – почти вечное – время, пока одиннадцатилетняя Оксана дергала мать за руку и спрашивала «Мамо, хто цэ е?» – они пристально рассматривали друг друга. Затем он поставил чемоданчик на землю, подошел, хромая, к Марии и Оксане и сказал:

– Ну, здрасти, дивчата. Дозвольте доложить? Судимость с меня снята, в партии восстановлен. Имею два назначения на выбор – в Харьковское ГПУ и в Криворожское. Но если вы меня примете, то останусь в Полтаве.

– Маты, хто цэ е? – снова нетерпеливо спросила Оксана.

– Хто? – пришла в себя Мария. – Твій новий бать-ко, ось хто.

5

«Нового батьку» Оксана не приняла. Хотя она никогда не видела родного, не сидела у него на плечах и не гордилась, как ее школьные подружки, заслугами отца перед советской властью, а, наоборот, должна была скрывать, что она дочь раскулаченного, и везде говорить и писать, будто ее отец «пропал без вести», она не приняла Кривоноса совсем по другой причине. Ей было уже одиннадцать, и все эти одиннадцать лет она была единственной и безраздельной владычицей над своей матерью и бабкой. Больше того: угловатая, конопатая, вечно в каких-то царапинах и синяках из-за лазанья с пацанами по чужим садам и зарослям камыша и бурьяна, заполонившего крутые склоны Лавчанских Прудов, она все равно была принцессой в своей хате, а когда садилась обедать с бабушкой и мамой, то сразу за бабкиной молитвой «И хліб наш насущний даждь нам днесь... бо Твое є Царство і сила і слава навіки, амінь!» мать и бабушка раскладывали еду, начиная с ее тарелки. И неважно, что то были только картошка и огурцы, выращенные на своем огороде, или борщ из крапивы и бурака. Главное: ей, Ксаночке, всегда доставался первый черпак и самый вкусный кусок...

А тут вдруг невесть откуда появился мужик, который не только по-хозяйски садился во главу стола, но которому и бабуля, и маты стали накладывать первые порции. Правда, с появлением Кривоноса стол в их хате преобразился. В лагере, после того, как на лесоповале упавшим бревном ему сломало ногу, Кривонос освоил бухгалтерскую профессию и теперь устроился счетоводом в местную заготконтору по обеспечению продовольствием всех служб Полтавского аэродрома, – да, теперь на их столе кроме картошки и пустого крапивного борща появились и мясо, и гречневая каша с топленым маслом, и вареники, и клецки из настоящей пшеничной муки, и даже шоколад «Аврора», который входил в питательный рацион первых советских летчиков. А потом стараниями и давними знакомствами Кривоноса до Лавчанского тупика добралось по столбам даже электричество и радио! И теперь керосиновая лампа не чадила в потолок, а радиоточка каждый день сообщала о загнивании мирового империализма, нерушимой дружбе Иосифа Виссарионовича Сталина и Адольфа Гитлера, присоединении Восточной Польши и Бессарабии к братскому союзу советских народов и триумфальном шествии по стране стахановского движения – к 1939 году оно охватило не только всех рабочих страны Советов, но и сотрудников НКВД, которые по-стахановски перевыполняли теперь планы по арестам шпионов и врагов народа.

Прошедший лагерную закалку «новый батько» никак не комментировал эти радостные сообщения и победные марши.

*В целом мире нигде нету силы такой,
чтобы нашу страну сокрушила, —
с нами Сталин родной, и железной рукой
нас к победе ведет Ворошилов!..*

Молча слушая репортаж из Брест-Литовска о совместном параде немецких и советских войск, «освободивших город от польских помещиков и капиталистов», – параде, который принимали «генералы-побратимы» выпускники Рязанского танкового училища Хайнц Гудериан и Военной академии имени Фрунзе Семен Кривошеин, – Кривонос, сжав зубами цыгарку, с каким-то злым остервенением чинил полусгнившую в конце двора беседку, посадил вокруг нее сирень и вишню, а за ними – в самом дальнем углу двора – покрыл крышей дощатый, как скворечня, нужник.

Да, как ни крути, а именно его трудами в их маленькой хате жизнь, как сказал бы товарищ Сталин, стала лучше, жить стало веселее. Однако в первый же день появления этого Кри-

воноса Оксану вдруг перевели из маминой кровати на раскладушку в бабушкину комнату! И по вечерам он, обняв мать за талию (а то и еще ниже!), владыкой уводил ее на «их половину» и еще закрывал за собой дверь!

А в свои одиннадцать Оксана уже знала, что это значит – и школьные подруги, и рисунки в школьном сортире давно объяснили ей, как и откуда дети берутся. И не раз по ночам, разбуженная скрипом материнской кровати и зажатými материнскими стонами, Оксана на цыпочках подкрадывалась к их половине и прикладывалась ухом к двери. Что этот злыдень делал там с мамой, отчего она так сладко стонет и просит: «Да... да... Щэ... щэ... Нэ зупыняйся!...»?

Оксана любила мать. Нет, «любила» – это не то слово. Она обожала ее всем своим горячим маленьким сердцем. Когда они ложились вместе спать, то самым высоким, самым теплым и нежным моментом прошедшего дня была минута полного счастья – обнять маты, уткнуться головой в теплую грудь, глубоко вдохнуть медовый запах и всем худеньким тельцем прижаться к ее большому горячему телу. И так – совершенно счастливой – расслабиться и заснуть в безопасном коконе материнского тепла, чтобы утром проснуться вместе с ней, любимой...

Кривонос лишил Оксану этого счастья. Теперь там, за плотно закрытой дверью, на той же материнской кровати не Оксана прижималась к матусе, а этот хромо́й Кривонос. Да так крепко прижимался, что кровать скрипела и даже стучалась спинкой о стену... А потом там щелкала зажигалка, через закрытую дверь тянуло папиросным дымом, и слышен был прокуренный голос:

– Цэ чудо, шо меня в тридцатом арестовали. А кабы сейчас? Живым бы не вышел...

В старой бабушкиной хате было, если не считать холодных сеней, всего три комнаты – кухня с кирпичной печью, которую топили кизяком, дровами и углем, горница-вѣтальня в три окна, прилегающая к тыльной стороне печи (здесь теперь спали бабушка и Оксана), и спальня, обогреваемая третьей стенкой печки. Под низкими, крапленными мухами потолками каждый звук, даже стрекот сверчка, расходился по всей хате.

– Тихо, – шепотом просил из спальни голос матери. – Ксанка не спит.

– Да спят они обе! – громко, в полный голос отмахивался Кривонос и продолжал о сокровенном: – За то время, шо я в лагере був, в НКВД вже три чистки було. И всех без разбору к стенке ставили...

Недослушав эти уже неинтересные ей разговоры, Оксана уходила на свою раскладушку и под громкий, с присвистом бабушкин храп долго не могла заснуть, нянча в душе сладостный материнский стон «Да... Щэ, Семен, щэ... Нэ зупыняйся!...» и обдумывая планы мести им обоим...

Между тем, с тех пор как у них поселился Кривонос, мать оставила работу полумойки в ГПУ-НКВД и расцвела, как роза из бутона – раздобрела в бедрах и груди, округлилась лицом и даже туфли себе на рынке купила – лодочки-лакирашки. Но что же он делал с ней по ночам такого, что она и днем, при дочке и матери своей, миловалась с ним, прижималась к нему то бедром, то плечом, а то ногой под столом?

Не в силах больше терпеть материнскую измену, Оксана наказала ее – вместо школы сбежала на пруд и сховалась-спряталась в прибрежных зарослях. Летом склоны холмов у Лавчанских Прудов так зарастали крапивой и высоким, выше человеческого роста, бурьяном, что даже собаки в них не совались. Но дети... Местные пацаны уже давно нашли тут обвалившиеся лазы, и теперь Оксана мстительно забилась в один из них и жадно ловила громкие крики матери, которая бегала по берегу пруда и звала: «Оксана! Ксана! Убью засранку!...» Нет, Ксана не вышла на эти крики, не отозвалась. И только к вечеру, проголодавшись, тихо пробралась к своей хате и, помня, что мать собиралась убить ее, выдрать, как сидорову козу, укрылась, зареванная, в беседке, отремонтированной Кривоносом. А мать – даже не ударила! А села рядом, обняла и прижала к себе, да так, что у Оксаны слезы брызнули из глаз, всю мамкину блузку намочили...

С тех пор за обедом и ужином Оксана ревниво, а порой и кокетливо поглядывала на своего «нового батьку». Она входила ту пору, когда девочки еще неосознанно становятся конкурентками своим матерям.

Однако «батькой» Оксаны сорокалетний Кривонос пробыл недолго.

На рассвете 22 июня 1941 года они проснулись от ужасного грохота. Никогда, даже в самую ужасную грозу, земля так не сотрясалась и небо так не гремело. Испуганно выскочив из хаты, они увидели, как несколько самолетов со свастикой на крыльях с надсадным воем ныряют с неба в пике на соседний аэродром. А у земли, на выходе из пике, от них отрываются тупорылые черные бомбы и летят на склады горюче-смазочных материалов и на прижавшиеся к бетонным стоянкам советские Пе-2 и Як-1 – бомбардировщики и истребители. И тут же – жуткие, ужасающие взрывы, столбы пламени и черного дыма, ошметки стали и алюминия. От каждого взрыва сотрясались все полтавские хаты и садовые деревья усыпали землю неспелыми плодами.

– Немцы! Фашисты! – орал полуголый, в одних трусах, Кривонос. В ярости он бил искривленной ногой по забору и уже не сдерживал в себе все, что за лагерный срок накопил к товарищу Сталину: – Сука! Бандит кавказский! Знал же, что нападут, а приказал снять пушки со всех самолетов! Нам даже стрелять нечем!

А фашистские самолеты продолжали с воем пикировать на аэродром и совершенно беспрепятственно гвоздить и гвоздить его бомбами.

И так было повсеместно! Помня, как легко досталась большевикам власть в поверженной Германией России и ожидая подъема революционной ситуации в поверженной Гитлером Европе, Сталин всячески способствовал его триумфальным наступлениям – танки Хайнца Гудериана катили по Франции на советском топливе (в 1941 году СССР поставил немцам 232 000 тонн нефти); немецкие бомбы, которые сровняли с землей Роттердам, были начинены советским пироксилином, а во время гитлеровского блицкрига в Норвегии, Голландии и Бельгии Германия получила от СССР 23 500 тонн хлопка, 50 000 тонн марганцевой руды, 67 000 тонн фосфатов, 4000 тонн каучука и 600 килограммов платины. «В мирное время невозможно иметь в Европе коммунистическое движение, сильное до такой степени, чтобы большевистская партия смогла бы захватить власть, – просвещал Сталин членов своего Политбюро в августе 1939 года. – Диктатура этой партии становится возможной только в результате большой войны. Мы сделаем свой выбор, и он ясен. Мы должны принять немецкое предложение и вежливо отослать обратно англо-французскую миссию. Первым преимуществом, которое мы извлечем, будет уничтожение Польши до самых подступов к Варшаве, включая украинскую Галицию...» И сразу после этого, в сентябре 1939 года, когда немецкие подводные лодки топили английские лайнеры, а Британия объявила морскую блокаду Германии, СССР напал на Польшу и открыл Гитлеру право транзита через свою территорию товаров для торговли с Ираном, Афганистаном и странами Дальнего Востока. «Ожидая своего часа, СССР будет оказывать помощь нынешней Германии, снабжая ее сырьем и продовольственными товарами... В побежденной Франции... – продолжал прогнозировать вождь, – коммунистическая революция неизбежно произойдет, и мы сможем использовать это обстоятельство для того, чтобы прийти на помощь Франции и сделать ее нашим союзником. Позже все народы, попавшие под “защиту” победоносной Германии, также станут нашими союзниками. У нас будет широкое поле деятельности для развития мировой революции».

Действительно, если ради русской революции Ленин помог немцам сокрушить царскую Россию, то почему бы теперь «для развития мировой революции» не помочь Гитлеру сокрушить Францию и Англию? И, «ожидая своего часа», Сталин к лету 1941 года довел советские поставки зерна в Германию до максимума – 208 000 тонн! Таким образом, даже во время наступления на СССР немецкие солдаты жрали советский хлеб! А оболочки пуль, которыми они убивали наших солдат, были отлиты из советского медно-никелевого сплава – накануне

войны немцы получили от СССР 8340 тонн этого металла! Но и это не все! 18 июня 1941 года, то есть за четыре дня до гитлеровского вторжения, вся артиллерия Красной армии стала по приказу Сталина переходить на летнюю смазку, для чего с самолетов сняли пушки и пулеметы и разобрали даже орудия ПВО. Именно в те дни, когда радио на всю страну пело «Если завтра война... если темная сила нагрянет...», небо над страной оказалось без всякого прикрытия, и всего за трое суток – с 22 по 24 июня 1941 года – немецкие бомбардировщики беспрепятственно уничтожили все военные аэродромы и 4317 боевых самолетов! После чего пилоты люфтваффе легко перешли к уничтожению советских военных заводов и железнодорожных узлов. В Полтаве они разбомбили электростанцию, паровозное депо и машиностроительный завод.

Во время самой первой бомбежки Оксана с бабушкой, визжа от страха, сиганули в подпол и укрылись там под его деревянной крышкой. Но в подполе оказалось еще страшнее – темно, глиняные стены трясутся и трескаются от близких взрывов, а когда кринки с молоком и сметаной грохнулись с полки и разбились, Оксана в ужасе решила, что это бомба попала в дом, и закричала так, что... вдруг стало совершенно тихо. Просто тихо и все. И совсем не страшно. Правда, странно, что мама, отбросив деревянную крышку подпола, открывает рот и, наверное, зовет их с бабушкой выходить, но она, Оксана, ничего не слышит и почему-то ничего не может сказать.

Так товарищ Сталин второй раз вмешался в судьбу неизвестных ему Марии и Оксаны – из-за его союза с Гитлером тринадцатилетняя Оксана оглохла и онемела во время немецкой бомбежки на рассвете 22 июня 1941 года. Правда, глухота через несколько дней прошла, и слух вернулся, а вот немота осталась. И сколько не пытались мама, бабушка и Кривонос выпросить у нее хоть слово, Оксана только давилась онемевшим горлом и не могла выдать из себя ни звука.

Через неделю, 28 июня, Семена Кривоноса вызвали в Полтавский горком партии и, как офицера запаса, направили, несмотря на хромоту, политруком на паровозоремонтный завод для ударного строительства бронепоезда. Через полтора месяца бронепоезд был готов, на паровозе и четырех вагонах белыми аршинными буквами было выведено гордое имя «Маршал Буденный». Утром 15 августа на перроне Южного вокзала духовой оркестр Полтавской музыкальной школы играл «Гремя огнем, сверкая блеском стали, пойдут машины в яростный поход, когда нас в бой пошлет товарищ Сталин, и первый маршал в бой нас поведет!». После чего секретарь Полтавского горкома сказал с паровоза короткую речь «за героическую победу над проклятым врагом», спрыгнул на землю и дал отмашку машинисту. Кривонос обнял мать Оксаны, поцеловал ее в губы, потрепал Оксану по волосам и запрыгнул на подножку уходящего бронепоезда.

– Семен, ты ж инвалид, навищо ты йдеш? – умоляла Мария, идя рядом и держа его за руку.

– Так я ж построил цэй бронепоезд! – объяснил он и выдернул руку.

А через три дня, 18 августа 1941 года, в районе станции Анновка бронепоезд «Маршал Буденный» был в упор разбит немецкой артиллерией. Политрук-комиссар Семен Кривонос погиб от прямого попадания снаряда.

Но полтавчанки, проводившие бронепоезд на фронт, еще не знали о гибели своих мужей и братьев. По решению горкома партии все полтавчане и даже подростки – 83 700 человек – были призваны на строительство оборонительных сооружений – траншей и дзотов для пушек и пулеметов. При этом каждый мобилизованный был обязан иметь при себе лопату, топор, две пары белья, теплую одежду, а также кружку и ложку. Правда, бабушке Фросе ничего этого не понадобилось – 25 августа, в первый же день работ, когда на западной окраине города Мария, Оксана и другие женщины копали яму для пулеметного дзота, бабуля, тихо помолвившись, легла на дно свежевыкопанной траншеи и уже не встала...

Да и вся эта каторжно-патриотическая работа женщин, стариков и детей оказалась зряшной – в августе 1941 года, когда Сталин запретил эвакуацию Киева и приказал войскам Юго-Западного фронта стоять насмерть, немцы просто смели (или рассеяли) четыре армии этого фронта численностью в 700 000 человек и беспрепятственно двинулись дальше. Да, в первые два месяца войны только на отдельных участках – Брестская крепость, Могилев и еще нескольких – немцы наткнулись на сопротивление. А в целом, всюду царил такой хаос и такое бегство и дезертирство, что фашисты сквозняком летели до Смоленска и Ельни, говоря «впереди нет врага, а позади нет тыла» – обозы с продовольствием даже не успевали за их войсками. Тем, кто хочет убедиться в «гениальности» нашего «эффективного менеджера», готовившего страну к мировой революции песнями «Броня крепка и танки наши быстры» и обещаниями «сокрушить врага могучим ударом», полезно сравнить всего две цифры официальной статистики: на момент нападения на СССР «боевой и численный состав вооруженных сил фашистской Германии составлял 5,2 млн. человек», а «личный состав, находившийся в советских вооруженных силах – 5,68 млн. человек». И затем прочесть докладную Леониду Брежневу маршала Ивана Конева, опубликованную его писарем: «За три дня, к 25 июня, противник продвинулся в глубь страны на 250 километров. 28 июня взял столицу Белоруссии Минск. Обходным маневром стремительно приближается к Смоленску. К середине июля из 170 советских дивизий 28 оказались в полном окружении, а 70 понесли катастрофические потери. В сентябре этого же 41-го под Вязьмой были окружены 37 дивизий, 9 танковых бригад, 31 артполк Резерва Главного командования и полевые Управления четырех армий. В Брянском котле очутились 27 дивизий, 2 танковые бригады, 19 артполков и полевые Управления трех армий. Всего же в 1941-м в окружение попали и не вышли из него девяносто две из ста семидесяти советских дивизий, пятьдесят артиллерийских полков, одиннадцать танковых бригад и полевые управления семи армий».

Поскольку от этих цифр рябит в глазах, вот более литературное свидетельство из книги Константина Симонова «Сто дней войны»: «Они [немцы] успели за двадцать девять дней войны пройти по прямой с запада на восток 650 километров... Стремительно прорвавшись от Шилова к Смоленску и от Быхова в тылы наших 13-й и 4-й армий, немцы совершенно внезапно для армий Резервного фронта в ряде пунктов выскочили туда, где эти армии еще только-только заканчивали занятие оборонительных рубежей... Бои в районе Ельни [310 км от Москвы] были тяжелыми... Бесконечные потоки беженцев, гражданского населения с запада на восток стекались с широкого фронта к Соловьевской переправе. Это были старики, подростки, женщины с котомками за плечами и детьми на руках. Переправа никакого прикрытия с воздуха не имела. Поэтому фашистские летчики с бреющего полета расстреливали людские потоки, а переправу непрерывно бомбили... Жутко и обидно было смотреть на это... Жутко – от варварства немецких летчиков, а обидно – как же мы смели это допустить, почему же мы не можем защитить свой народ? Мне и сейчас еще видятся: окровавленная умирающая женщина, чуть вылезшая из воды на берег, а по ней ползает грудной ребенок, тоже окровавленный, а рядом с оторванной ногой истекает кровью трех-четырёхлетний ребенок...»

Думаю, даже трех этих цитат достаточно, чтобы убедиться, как с первых дней войны кремлевский «эффективный менеджер» бездарно и преступно обрек на гибель миллионы наших отцов и дедов – в среднем по 20 869 человек в сутки выбывало из строя Красной армии. Из них около 8 тысяч человек – безвозвратно...

Впрочем, Константин Симонов, которого я имел удачу видеть в «Литературной газете» в пору своей журналистской юности, был в первые дни войны на Западном фронте. А действие моей повести разворачивается южнее, на Украине...

Утром 18 сентября 1941 года фашисты вступили в Полтаву. Двести с чем-то лет назад, в 1709 году, Петр Первый остановил и разгромил здесь шведскую армию.

Но немцы, в отличие от шведов, никакого сопротивления тут не встретили, потому что накануне все городские партийные, хозяйственные и милицейско-гэпэушные начальники бежали из города. Воспользовавшись безвластием, полтавчане весело били витрины брошенных магазинов и грабили все, что попадалось под руку:

спички, соль, сахар, муку и другие продукты. Охрана двух тюрем на улицах Фрунзе и Пушкина разбежалась, и уголовники, которые находились там, пополнили ряды мародеров. Кондитерская фабрика напоминала улей: тысячи полтавчан заполнили ее цеха, хватая все – повидло, варенье, патоку несли домой в ведрах, тазах, коробках и даже в кульках, сделанных из советских газет.

6

Почти все, кто остался на завоеванной немцами Украине, приняли их, как освободителей от сталинского режима, подарившего стране гражданскую войну, продразверстку, карточную систему, ГУЛАГ и такой голодомор, что в 1933 году люди на Украине доходили до людоедства, а кое-где даже матери поедали своих детей. «Пусть будут немцы, только бы не Советы – хуже все равно не будет», – было общим мнением тех дней. Зная об этом, Гитлер в своем «Обращении к украинскому народу», которое тысячами листовок сыпалось с неба перед вступлением немецких войск, пообещал «всем подневольным трудящимся народам Советского Союза принести на их землю социальную справедливость, порядок, хлеб и настоящий социализм». И теперь пожилые крестьянки падали на колени перед проезжавшими в машинах и на мотоциклах немецкими офицерами-освободителями и целовали им ноги. На окраине Полтавы группа девчат в белых вышитых блузках и двое парней в цветастых украинских сорочках поднесли хлеб-соль немецким арьергардным мотоциклистам. На улице Фрунзе, по которой немцы вошли в Полтаву, стояло настоящее ликование. Люди дарили пришедшим солдатам только что награбленные детские игрушки, цветы, пестрые косынки. Кепки и шапки радостно взлетали в воздух, люди кричали «Ура!», многие крестились. В газете «Лохвитское слово» украинский поэт Яков Вышиваний опубликовал оду «Адольфу Гітлеру», в ней говорилось:

*Тобі, великий Визволитель,
Що пекло ката розтроцив,
Тобі народ – о, наш учитель, —
В пошані голову схилив.*

В спешно открываемых церквях священники возглашали: «Настал день, ожидаемый народом, который ныне воскресает из мертвых там, где мужественный германский меч успел рассечь его оковы... Древний Киев светло торжествует свое избавление как бы из самого ада преисподнего. Освобожденная часть народа повсюду уже запела “Христос Воскресе!”».

Поняв силу духовенства на завоеванных землях, немцы не только разрешали открытие православных храмов, но и финансировали их восстановление. В 1941–1942 годах с помощью немцев на захваченных ими территориях было открыто больше семи с половиной тысяч церквей, в которых священники и толпы прихожан ежедневно совершали молебны «о даровании Господом сил и крепости германской армии и ее вождю для окончательной победы над советским адом...»

19 сентября, на следующий день после вступления немцев в Полтаву, Мария разбудила дочку в пять утра.

– Вставай, доча. Пишли на работу.

Оксана изумленно глянула на мать: яка работа? Чому?

– Тому що житы треба шо при коммуняк, шо при німців. Німці даже більше чістоту шануют...

Мария взяла ведро и половую тряпку и пошла с Оксанкой на Жовтневу улицу в то самое двухэтажное здание, где раньше находилось Полтавское управление ГПУ-НКВД. Хотя утреннее солнце светило и грело совсем не по-осеннему, и сады за заборами душно пахли спелыми яблоками и грушами, а уличные каштаны то и дело роняли на тротуары мягко-колючие зеленые бомбочки, из которых выпадали глянцевито-коричневые плоды, город еще не проснулся, не то отдыхая после загульного праздника освобождения от большевиков, не то в каком-то выжидании. На окраинных улицах старухи не собирали, как обычно, коровьи плюхи для сушки на

кизяк, на перекрестках не было привычных очередей у водопроводных колонок, и даже собаки не лаяли из-за заборов. А освободители, допоздна отмечавшие свою победу, сладко спали в домах бывших партийных бонз на их пуховых перинах...

Мария и Оксана дошли до Корпусного сада и вошли в знакомый двухэтажный особняк. Как мать и предполагала, здесь царил полный разгром – грязь и обгорелый бумажный мусор в коридорах, двери всех кабинетов распахнуты настежь, в кабинетах все шкафы открыты, на полу – груды пепла от сожженных документов на расстрелянных «по первой категории» и сосланных «по второй категории», а на стенах – забытые портреты Сталина и Дзержинского.

Мария сняла портреты, вымела их вместе с мусором в коридор, а из коридора во двор. После чего выдала Оксане вторую половую тряпку и вдвоем с дочкой стала мыть полы.

Через час, когда они уже мыли лестницу со второго этажа на первый, с улицы послышался шум мотора, там остановился «Опель»-кабриолет, и малорослый толстяк в зеленых погонах штабс-офицера, сняв офицерскую фуражку, и утирая потный лоб, вошел в здание. Увидев Марию и тринадцатилетнюю Оксану, моющих ступеньки, он изумленно остановился и спросил на чистом украинском языке:

– Шо ви робитэ?

Мария выпрямилась и усмехнулась:

– А вы нэ бачите? Полы моем...

– А вы хто? Шо тут було?

– НКВД. Я тут вбираюсь з двадцать девятого року.

Толстяк молча поднялся на второй этаж, осмотрел все кабинеты – чисто убранные, с вымытыми полами – и спустился на первый, где Мария и Оксана, как ни в чем не бывало, продолжали убирать очередной кабинет.

– Як тебе звати?

– Мария Журко...

– Розумна жинка. Тут в нас будэ гебисткомиссариат. Будеш тут прибирати і отримувати зарплату. Дивчину сюды нэ таскай, нэ трэба.

– Дякую. А як вас звати?

– Я гебисткомиссар Панас Гаврилюк. Шпрехен зи дойч? Ты балакаеш по-германски?

– Ни, нэ можу.

– Ничого, навчишся. Продовжуй роботу. Хайль Гитлер!..

Так Мария восстановилась в прежней должности на прежнем месте.

Но остальным полтавчанам повезло значительно меньше. Хотя поначалу все выглядело радужно – тысячи портретов Гитлера-освободителя заменили висевшие всюду портреты Ленина и Сталина, множество немецких агитационных плакатов с обещаниями социального рая появились поверх бывших советских плакатов и воззваний, и сотни красных флагов со свастикой вместо красных флагов с серпом и молотом украсили общественные здания. Молодые немецкие офицеры разъезжали по городу на мотоциклах и в открытых автомобилях и, пользуясь книжечками-разговорниками, по-гусарски заигрывали с украинскими дивчинами:

– Панэнка, дэвушка! Большевик – конэц! Украйна!

– Украина, – смеясь, поправляли дивчата.

– Йа, йа! У-край-ина! Ходит гулят шпацирен битте!

И дивчины охотно принимали приглашения завоевателей всей Европы...

Через неделю после вступления немцев в город Полтавский музыкально-драматический дал для них оперетту «Наталка Полтавка», а вскоре под руководством немецкого пианиста Зигфрида Вольфера актеры уже на немецком языке играли «Мадам Баттерфляй». И германские офицеры так вольно чувствовали себя на этих спектаклях, что вешали на спинки кресел свои пояса с пистолетами в кобурах.

3 декабря 1941 года и 1 июня 1942 года Адольф Гитлер лично посетил Полтаву и выступил с балкона детского сада № 14: «Вся человеческая культура зависит от успеха германской армии. Фюрер германского рейха освободил вас от преступников-большевиков. Покажите вашу благодарность – поезжайте на работу в Германию. Это в ваших интересах трудиться для Германии». Затем фюрер провел совещание с фельдмаршалами фон Боком и Паулюсом и, проезжая по улицам, вышел из машины и угостил конфетами полтавских детей.

Но «медовый месяц» освободителей и освобожденных длился недолго. Начиная войну, фюрер рассчитывал за девять недель дойти до Урала и Баку, а когда этот блицкриг забуксовал под Москвой, немцы перестали играть в строителей «настоящего социализма» и принялись открыто грабить «освобожденных» – точно так, как недавно это делали сталинская продразверстка и комбеды. «Иными словами, – говорили старики на полтавском рынке, – кожен раз, коли комуністи, фашисти чи ще хтось обіцяют побудову “суспільства соціальної справедливості”, чекай грабежів». Иными словами, каждый раз, когда коммунисты, фашисты или еще кто-то обещают построение «общества социальной справедливости», жди грабежей. За время оккупации немцы только из Полтавской области вывезли 392 900 голов рогатого скота, 1 113 000 свиней, 109 906 коней, 241 000 овец и 12 838 000 пудов хлеба.

И уже с первых дней «освобождения» полтавские дети ощутили на себе прелести нового порядка: по распоряжению рейхскомиссара Украины Эрика Коха были закрыты все школы, кроме начальных. Адольф Гитлер сам определил предельный объем знаний для славянских детей: «В лучшем случае им можно разрешить выучить значения дорожных знаков. Изучение географии должно быть ограничено одним: столица рейха – Берлин. Математика и подобные науки вообще не нужны». Таким образом, в начальной, четырехклассной школе разрешалось учить детей только писать, читать и считать. Зато вводились физические наказания. «Сейчас, в военное время, – сообщил выходявший в Полтаве «Педагогический информационный бюллетень», – учитель для поддержания дисциплины может применять методы физического воздействия на недисциплинированного ученика. Этого требует время. От пощечины еще никто не умер, и удар линейкой ничуть не смертелен. Мальчишки в играх терпят и борльшую боль».

Еще борльшую боль применили к взрослым. 14–17 сентября на подходе к Полтаве, в Великих Сорочинцах, на месте знаменитой гоголевской «Сорочинской ярмарки», немцы повесили и расстреляли 86 жителей. Но это были только цветочки. Утром 20 сентября, закончив уборку гебисткомиссариата и уходя домой, Мария увидела развешанные на всех улицах объявления:

«Все жидаы Полтавы и ее окрестностей обязаны явиться 22-го сентября к 8 часам утра к гебисткомиссариату на Октябрьской улице. Взять с собой документы, деньги, ценные вещи и теплую одежду. Кто из жидов не выполнит этого распоряжения и будет найден в другом месте, будет расстрелян. Кто из граждан проникнет в оставленные жидами квартиры и присвоит себе вещи, будет расстрелян».

До начала войны в Полтаве жило 22 тысячи евреев. Перед вступлением немцев часть из них успела эвакуироваться, но остальные... Солнечным утром 22 сентября, выйдя на крыльцо гебисткомиссариата задолго до восьми утра, Мария увидела их своими глазами. На Жовтневой улице уже стояла огромная толпа – больше шести тысяч перепуганных женщин, стариков и детей с чемоданами и заплечными котомками. Как требовало распоряжение, многие были в зимних пальто и шубах, полагая, что их повезут куда-то на север. В восемь утра появились зондеркоманды СС и украинских полицаев, они построили толпу в колонну и повели на юг. Сначала Марии было с ними по пути, и она видела в этой колонне женщину – худую, потную, противную, в сбитом набок парике – запрягшись в двухколесную тележку, та везла в ней шестерых,

мал мала меньше, детей – рыжих, конопатых и кучерявых. За ними старик со старухой толкали перед собой ножную швейную машинку, нагруженную фибровыми чемоданами и узлами...

Но затем колонна пошла вниз по улице Фрунзе, а Мария свернула в переулки и направилась к Прудам, до своей хаты. Тут, по дороге, ей открылась неожиданная картина. Хотя в немецком приказе было ясно сказано, что все, кто проникнет в оставленные жидами квартиры и присвоит себе их вещи, будут расстреляны (привилегию грабить евреев немцы оставили за собой), удержать полтавчан от соблазна обогатиться за счет ушедших на смерть оказалось невозможно. То здесь, то там дорогу Марии торопливо, как мыши, перебежали женщины и мужчины, нагруженные стульями, коврами, фарфоровой посудой с моголеновидами, швейными машинками «Зингер», меховыми шубами и даже детскими игрушками.

Но Мария этим грабежом не соблазнилась. Правда, через пару часов, когда совсем рядом, в двух километрах от Прудов, на стрельбище между деревнями Пушкаревка и Супруновка, стали трещать пулеметы, и немая Оксана пугливо глянула на мать – мол, десь цэ стреляют? – спокойно ответила:

– Та за Пушкаревкой...

«Чому?» – снова спросили огромные очи дочки.

– Жидов расстрілюють, – пояснила Мария и вышла из хаты закрывать ставни. То же самое сделали все их соседи по Прудам и, вообще, в Полтаве. Антисемитизм издавна был такой же частью украинского сознания, как православие и католицизм, и полтавчане спокойно отнеслись к тому, что «освободители» вывели на загородное стрельбище женщин, стариков и детей, заставили их вырыть трехкилометровую траншею-могилу и расстреляли из пулеметов. Тех же, кто не явился по приказу, еще долго разыскивали с помощью полиции и местных добровольцев-антисемитов. Окружив центральный, возле церкви на улице Чапаева, рынок, они заставляли всех произнести слово «кукуруза». У тех, кто говорил «кукуруза», проверяли документы. Людей с еврейской фамилией тут же швыряли в грузовики, вывозили в тот же яр за Пушкаревкой и расстреливали. Заодно был расстрелян и цыганский табор, стоявший возле Белой горы по дороге на Харьков.

Но куда больше, чем расстрел евреев и цыган, напугало Марию появление 1 сентября 1942 года нового гебисткомиссара Брененко. Потому что накануне, в августе, она своими глазами увидела, как в открытом грузовике «Vogward» немцы привезли в тюрьму на улице Пушкина захваченных под Полтавой партизан и среди них Миколу Гусака, ее бывшего спасителя и адъютанта Кривоноса. А первым распоряжением нового, взамен Гаврилюка, гебисткомиссара Брененко был приказ расстрелять всех арестованных, находящихся в полтавских тюрьмах. В тот же день шестьсот арестантов раздели догола, грузовиками вывезли к глинищу за школой № 27 и расстреляли из пулеметов. Заодно были убиты тысяча обитателей полтавской психбольницы, в том числе сто детей.

Так новый гебисткомиссар отметил свое назначение на пост полтавского градоначальника.

Его вторым административным актом было учреждение в здании опустевшей психбольницы Клуба офицеров, который вскоре стал почти открытым публичным домом для высшего офицерского состава.

А третьим значимым жестом гебисткомиссара Брененко был особый подарок, который он вручил Марии – кусок мыла с надписью «Juden-seife» (сделано из жира уничтоженных евреев), и приказ начинать каждый день с молитвы: «Heil mein fuehrer, я обещаю выполнять мои обязанности во имя любви к фюреру».

Затем началась практически насильственная отправка молодежи на работу в Германию. Правда, первая группа «добровольцев» – 500 юношей и 500 девушек – выехали из Полтавы еще в мае 1942 года при Панасе Гаврилюке. На вокзале их провожали с тем же духовым оркестром Полтавской музыкальной школы, который год назад играл на проводах бронепоезда «Маршал

Буденный», а также с цветами и пышными речами немецкого командования и гебисткомиссариата. На вагонах было написано: «ARBEIT MACHT DAS LEBEN SIS» («Работа делает жизнь сладкой»). Радио исполняло новый гимн немецкой молодежи: «Deutschland, Deutschland uber alles...», «Сегодня Германия наша, завтра весь мир будет наш!».

Но с появлением Брененко набор полтавской рабочей молодежи стал похож на простую охоту за ней. Парней и девчат отлавливали на базарах, в новооткрытых частных столовых, в банях и даже в церквях. За два года оккупации из Полтавы было отправлено в Германию восемь тысяч юношей и девушек. А всем, кто был старше четырнадцати лет, было приказано пройти регистрацию в городской комендатуре и получить удостоверение личности, которое полагалось обновлять каждые три месяца. По исполнению шестнадцати лет ты уже признавался годным к работе на рейх. «Keine arbeit, keine fressen», – твердили немцы. Кто не работает, тот не ест.

И Мария поняла, почему бывший рейхскомиссар Гаврилюк сказал ей не таскать Оксану в гебисткомиссариат – в апреле 1942 Оксане исполнилось четырнадцать лет. То есть еще год-два и...

В октябре, когда 346 подростков, схваченных на базаре, в церкви¹, двух банях, Крестовоздвиженском женском монастыре и просто на улицах, принудительно, в товарных вагонах и под вооруженной охраной, отправили с железнодорожного вокзала в Германию, Мария подобрала на улице написанную от руки листовку. И прочла короткие стихи:

*Сумні обличчя у людей.
Куди не глянь, сама руїна —
Невже це наша Україна?
І сльози ллються із очей.
Біля розстріляних батьків
Лежать убиті немовлята...
Безвинно карано людей,
Ще й немовляточок-дітей.*

Назавтра Мария, тщательно вымыв все полы комиссариата, один кабинет – зондерфюрера Фридриха Шванкопфа – оставила напоследок. Майор Шванкопф неплохо говорил по-русски и с явным интересом поглядывал на Марию, когда заставал ее утром в комиссариате. Правда, если его взгляд опускался по ее фигуре и ногам к ступням, этот интерес тут же угасал – Мария была босая. Конечно, дома у нее хранились и туфли-лодочки, и даже фетровые ботики, купленные ей Семеном Кривоносом. Но еще при первой встрече с толстячком Гаврилюком Мария заметила, как он брезгливо поморщился, увидев ее босые, красно-коричневые и потрескавшиеся ступни. Мария тут же взяла это на вооружение, как лучшую защиту от мужского интереса к ней всех немецких офицеров, и даже зимой, в двадцатиградусные украинские морозы, приходила на работу почти босиком – в самодельных чунях. Впрочем, босиком или почти босиком – в чунях из автомобильных покрышек – ходила в то время половина, если не больше, полтавских жителей. И почти у всех женщин ступни были такие же, как у Марии – растоптанные и потрескавшиеся от обязательной летней работы: замешивания и утрамбовки на кизяки коровьего навоза с соломой...

«Сумні обличчя у людей. Куди не глянь, сама руїна – Невже це наша Україна?» – не выходили из ее головы стихи из вчерашней листовки.

---

¹ Проверяя свою память, я открыл в Интернете карты Полтавы и не нашел эту церковь. В изумлении позвонил сестре в Израиль: «Белла, я сошел с ума? Разве на Чапаева, на рынке, не было церкви?» – «Была, – успокоила сестра. – Но ты уехал из Полтавы в 1953-м, а церковь сломали через год. Разбивали на глазах толпы, я с папой тоже там стояла, мне было двенадцать лет. Потом люди уносили по домам ее обломки, а папа подобрал самый маленький, крошечный колокольчик. Я хранила его двадцать пять лет, но в 1978-м, при эмиграции, его отняли таможенники в Шереметьеве».

Когда зондерфюрер Шванкопф вошел в свой кабинет, Мария сделала вид, что только что закончила уборку – взяла за дужку ведро с половой тряпкой и пошла к двери. Но остановилась в шаге от нее:

– Герр Шванкопф, можно у вас спросить?

Герр Шванкопф, высокий и похожий на голливудского актера, сказал:

– Битте. Я всегда рад упражнять мой русский язык.

– Данке шон. У моих суседей е дочка, ей чотырнадцать рокив, но вона немая. Ну, не балакае, понимаете?

– Понимаю. Doofe.

– Ее могут узять на работу в Германию?

– Битте! – снова улыбнулся герр Шванкопф. – Doffe это есть очень харашо! Все doofe очень харашо работать! Никогда не перечают! Я буду сказат герру Брененко про вашу деворчку.

– Дякую, – поспешно сказала Мария. – Данке шон.

И с этого дня перестала выходить на работу в гебисткомиссариат. А дочку переселила в землянку на склоне к Лавчанскому Прудку.

7

Как я уже написал, летом склоны холмов у Лавчанских Прудов зарастали крапивой и бурьяном выше человеческого роста и так густо, что даже собаки в них не совались. Найти среди этих зарослей обвалившиеся лазы не то в пещеры, не то в древние, времен Первой мировой войны, землянки было почти невозможно. Но во время походов Марии и Оксаны на стирку к Северному пруду Оксана показала матери несколько лазов, где она пряталась, когда «сбежала из хаты». А потому землянка, которую они выбрали, была лишь снаружи похожа на кротовью нору. А в глубине, в двух метрах от узкого лаза, эта нора расширялась и поднималась в маленькую, но сухую и никакими дождями не заливаемую пещеру.

За три ночи Мария и Оксана вручную, без всяких лопат, расширили этот лаз так, что смогли протащить в него бабушкин матрац, а потом вновь засыпали дерном и землей настолько, что лишь девчоночья худоба позволяла Оксане протиснуться внутрь. И это действительно спасло ее от угона в Германию – уже с октября 1942-го немцы, взбешенные своим отступлением от Москвы, ожесточенным сопротивлением Ленинграда и Сталинграда, стали открыто грабить «освобожденную» Украину («Вы не можете даже представить, сколько в этой стране сала, масла и яиц!» – объявил немцам Герман Геринг). Зондеркоманды облавами прочесывали каждый квартал и сгоняли молодежь на призывные пункты для отправки в Германию. Всех, кто пытался укрыть своих детей от «добровольного призыва», карали огромными денежными штрафами и изъятием живности – свиней, гусей, кур...

Правда, каким-то совершенно непостижимым образом слухи о каждой предстоящей облаве облетали город быстрее колонны немецких грузовиков и мотоциклов. Точнее – немцев выдавала их европейская организованность. Когда у зданий гестапо, полиции или гебисткомендатуры раздавался рев сразу двух десятков моторов, то тут же влаивали все дворовые собаки не только на ближайших улицах, но и дальше, вплоть до окраин. И полтавчане спешно прятали своих детей в сараях, погребах и на чердаках, а Мария бегом отправляла Оксану в нору-землянку у Лавчанского Пруда.

Поначалу эта игра даже нравилась Оксане. Лежишь себе в темной пещерке и вспоминаешь довоенную жизнь. Песни из любимых фильмов «Вратарь», «Дети капитана Гранта», «Искатели счастья», «Волга-Волга»... Или: «В парке Чаир распускаются розы, в парке Чаир расцветает миндаль...» Конечно, петь у немой Оксаны не получалось даже в темной пещере – слова застревали в горле. Но мычать «Утомленное солнце нежно с морем прощалось...» – это она могла, ведь никто ее мычанье не слышал.

В начале ноября выпал первый снег, а в конце ударили морозы. Отлеживаться в холодной землянке Оксане стало неважно даже во время облав. Вместе с матерью она перетаскала туда почти всю теплую одежду, которая была в хате, но что у них было? Еще до того, как Мария бросила работу и лишилась самой высокой зарплаты, которую немцы платили наемным украинцам – 850 советских рублей в месяц, она регулярно продавала на рынке все ценное, что было в хате – свою и покойной матери одежду. Потому что иначе было не выжить – хлеб на базаре стоил 100 рублей за кило, сало и масло – 1500 рублей за кило, молоко 50 рублей за литр, а яйца 10 рублей за штуку. И рынок на всю Полтаву был один – все тот же Центральный, рядом с церковью между улицами Шевченко и бывшей Чапаева. Там стояли ряды деревянных прилавков, за которыми хамоватые перекупщики торговали привезенными из деревень и сел шматами сала и свинины, яйцами и мороженым молоком, а также сивушным самогоном и подсолнечным маслом в разлив. А вокруг было море нищих и полунищих стариков и старух, которые пытались с рук продать свою одежду, постельное белье, посуду и даже иконы. Ну, кто из них мог купить себе килограмм сала или хлеба? Даже для детей люди все покупали микроскопическими дозами. Сало и масло – кусочками не больше спичечного коробка, а хлеб

ломтями толщиной в палец. Причем хлеб этот больше чем наполовину состоял из сушеного и толченого каштана...

Две старые бабкины кофты да пара ее же порванных чулок не могли в пещере согреть Оксану даже при первых заморозках. Стуча зубами, она приползала в хату еще до того, как Мария спускалась за ней после облавы. Дрожа всем телом, Оксана забиралась в кровать, Мария тут же ложилась к ней, обнимала, прижимала к себе. Экономя собранный летом хворост и заготовленный кизяк, печь они еще не топили. Поскольку летом немцы отняли у полтавчан и увезли в Германию чуть ли не всех коров и лошадей, с улиц почти исчезли коровьи и лошадиные плюхи, и уже не из чего было готовить кизяк – основное зимнее топливо.

Унося на рынок свое последнее богатство – туфли-«лакирашки» и фетровые ботики, Мария не знала, на что она их выменяет – на десяток картофелин или на хлеб. Но повезло – с осени сорок второго немцы подтянули на Восточный фронт своих союзников венгров, румын и итальянцев, которые не столько воевали, сколько спекулировали на рынках папиросами, шнапсом, сахарином, шоколадными конфетами и граммофонными пластинками. За полбуханки хлеба «лакирашки» Марии ушли румынскому сержанту для его юной подружки-полтавчанки, а ботики за сахарин стал торговать для своей дивчины итальянский солдат.

– Жидовские? – примеряя ботики, спросила у Марии эта дивчина.

– Чому жидовские? – обиделась Мария. – Мои. Надеть?

– Та ни! – сказала дивчина и потопала ботиками, как копытами, в подмерзшую землю. – Антонио, я хочу цю обувку!

Антонио смерил глазами ядреные бедра и груди своей дивчины и щедро вручил Марии аж полукилограммовый пакет сахарина!

Но это не решило проблему утепления Оксаны для укрытия в ее пещере. Лежа ночью в обнимку с дочерью, Мария гадала, что еще, кроме материнской иконы, она может снести на рынок, как вдруг услышала очередную, за Прудами, пулеметную стрельбу. И только теперь поняла, что имела в виду дивчина итальянца Антонио, когда спросила про ботики, не жидовские ли они. Конечно, Мария и раньше слышала, что многие торговки сбывают на рынке посуду, одежду, постельное белье и даже мелкую мебель из брошенных еврейских домов и квартир. Но теперь...

Как всегда, стрельба за Пушкаревкой смолкла еще до полуночи. Вся Полтава уже знала, что это значит: на бывшем армейском стрельбище, в траншее, названной по-украински «яром» и вырытой евреями перед расстрелом, появились свежие трупы.

Мария, однако, прождала без сна еще часа три и только после этого встала, бесшумно и на ощупь надела старую вытертую кацавейку, шерстяной платок и холщовую юбку, навернула на ноги оставшиеся от Кривоноса портянки и обула резиновые чуни. Для крепости плотно обвязала эти чуни веревочками-шнурками и, прихватив все тот же мешок, в котором носила из ГПУ-НКВД-гебисткомиссариата мужское белье и одежду для стирки, тихо, чтоб не разбудить дочь, вышла из хаты.

В конце ноября Полтаву уже подмораживает всерьез – минус 10, а то и минус 15 по Цельсию. Но крытые соломой и изморозью соседские хаты не курились дымками печных труб – соседи тоже сэкономили топливо на декабрь, январь и лютый февраль. Осторожно ступая скользкими чунями по хрупкой наледи и снегу, Мария вышла за калитку и темными переулками пошла в обход Лавчанского Пруда к Пушкаревскому стрельбищу. Зимой светает поздно, и в пять утра было еще темно. Но уже в Пушкаревке Мария увидела несколько темных фигур, которые с разных сторон тоже пробирались к Яру. Издали, в холодной ночной темноте, эти согнутые и мелко семенящие фигуры напоминали крыс, спешащих к поживе. Да и сама Мария была сейчас похожа на такую крысу.

А когда, оскальзываясь, падая и поднимаясь, эти крысолюди спустились к Яру, оказалось, что они здесь не первые. На всем протяжении километровой рва, заваленного зокоче-

невшими голыми и полуголыми, объединенными волками трупами и трупиками, и еще одетыми, только несколько часов назад расстрелянными людьми, хищно копошились два десятка полтавских баб. Немцы спускаться к расстрелянным брезговали, забирали только брошенные ими чемоданы, узлы, котомки и уезжали. И теперь со свежих трупов бабы, в первую очередь, снимали обувь – евреи, ясное дело, босыми никогда не ходили. Туфли, ботинки, сапоги и детские валенки не были порчены пулями, а бурые пятна крови легко отмоются. Труднее было стаскивать с покойников пальто, куртки, платья и нательное белье – руки и ноги у замерзших трупов не гнулись, а пропитанная кровью одежда примерзла к телам. Но опытные женщины, пришедшие сюда не впервой, были запасливо вооружены ножами и ножницами и умело спарывали все, что иначе нельзя было ни стянуть с трупов, ни содрать. А Мария пришла с голыми руками. Но и ей в это утро достались женские меховые ботинки, три совершенно целых драповых юбки, одна кроличья горжетка и два ратиновых пальто (правда, травленных пулеметными очередями, но ведь дыры можно и залатать).

Поскольку немцы вылавливали жидов не только в Полтаве, но и в окрестных селах, расстрелы в Яре происходили не реже одного раза в неделю. Таким образом, уже в январе 1943-го Оксанина пещера утеплилась ратином и драпом от пальто, а также кроличьими и даже лисьими горжетками. Лежа на этом теплом богатстве, можно было снова вспоминать: «В парке Чаир распускаются розы...»

И еды у них с мамой тоже прибавилось – жидовскую обувь, а также отстиранную и залатанную одежду Мария выменивала на рынке на продукты. Зимой, особенно в январе при тридцатиградусных крещенских морозах, теплая жидовская одежда и обувь шли на рынке не хуже украинского самогона и немецкого шнапса, и Мария баловала свою немую доченьку даже замерзшими как лед тарелками настоящего коровьего молока.

Часть вторая Военная миссия

1

ПОДМОСКОВЬЕ, КУБИНКА. 18 октября 1943 года

18 октября 1943 года на подмосковном военном аэродроме «Кубинка» стояли, всматриваясь в низкое и уже по-зимнему хмурое небо, председатель Совета народных комиссаров СССР и по совместительству нарком иностранных дел Вячеслав Молотов и его заместители Иван Майский, Максим Литвинов и Андрей Вышинский.

Молотову (он же Скрябин) было пятьдесят три, Майскому (он же Ян Ляховецки) и Вышинскому (он же Анжей Выжински) – по шестьдесят, а Литвинову (он же Меер Валлах) – шестьдесят семь. Все четверо приехали сюда сразу после полудня и, кутаясь в черные драповые пальто с каракулевыми воротниками, уже второй час топтались на подмерзающем летном поле, почти не разговаривая друг с другом. За ними, поглядывая на часы, томились и покорно стыли на сырой октябрьской промозглости их помощники, а также рота Кремлевского парадного полка, музыканты Краснознаменного духового оркестра Красной армии и кинооператор Центральной студии кинохроники Борис Заточный с кинокамерой «Конвас-1» на штативе. Ни гренадерского роста кремлевские солдаты в парадных шинелях, ни музыканты с их трубами и барабанами, ни фронтовик Заточный (под распахнутым полушубком на его гимнастерке поблескивал орден Красной Звезды) не знали и не спрашивали, ради встречи каких гостей советского правительства их привезли сюда из Москвы. При этом всем смертельно хотелось курить, но поскольку команды на перекур не было, никто не решался закурить в присутствии знаменитых членов правительства.

Конечно, столь высокое начальство могло укрыться от холода в диспетчерской службе аэропорта или в штабе местного истребительного авиаполка. Но Молотову, самому молодому, но самому близкому к Сталину члену советского правительства, доставляло тайное удовольствие мурьжить на морозном ветру этих двух поляков и еврея, каждый из которых щеголял свободным знанием иностранных языков и давно зарился на его, Молотова, место по правую руку от Хозяина. Мерзавец Валлах-Литвинов, спекулируя своими дореволюционными заслугами перед партией и дружбой с Лениным, еще в 1930-м выжил из Наркомата по иностранным делам Георгия Чичерина, добился признания СССР Америкой и потащил советское правительство на сближение с Англией и США. Но с 1933-го Сталин стал восхищаться Гитлером, возмечтал заключить с ним союз, и Молотов подсказал Хозяину, что, если мы хотим задружить с фюрером, то в первую очередь нужно убрать еврея с должности Наркома по иностранным делам. После чего доложил на заседании ЦК, что Литвинов запрудил дипломатическую службу бывшими троцкистами и интеллигентским гнильем, лебезящим перед Западом. Умник Литвинов тут же понял, откуда ветер дует, струсил и сам написал заявление об отставке. Так Молотов стал по совместительству еще и наркомом по иностранным делам. А Максим Литвинов-Валлах... Хотя в те времена, когда юный Сталин грабил для партии кавказские банки, а Валлах ловко сбывал во Франции экспроприированные им банкноты, теперь за связи с троцкистами этого же Литвинова ждали пыточные подвалы Берии. Но тут грянула война, Сталину для получения американской помощи по ленд-лизу срочно понадобились личные контакты этого еврея с Черчиллем и Рузвельтом, и Хозяин отправил его послом в США. Там Литвинов превзошел

самого себя – страшась подвалов Лубянки, не только добился распространения ленд-лиза² на СССР, но и получил для СССР заем в миллиард долларов! Микоян сказал Сталину, что Литвинов буквально спас этим страну, и Хозяин назначил его Молотову в заместители. Но не в знак благодарности, конечно, а на случай его дальнейших полезных контактов с Рузвельтом и Черчиллем...

Иван (Ян) Майский (Ляховецкий). Этот, вообще, меньшевик и бывший министр Временного правительства, а затем и министр в правительстве адмирала Колчака. После разгрома адмирала Красной армией Майскому удалось каким-то образом перескочить в большевики, и с тех пор он из кожи лезет вон, чтобы всех «перебольшевичить» – выступил свидетелем на процессе эсеров, пролез, пользуясь знанием английского, в Наркоминдел и стал сначала советским полпредом в Финляндии, а потом и послом в Великобритании. В прошлом, 1942 году Черчилль, находясь в Москве, даже похвалил Майского Сталину. Но Хозяин всем знает цену и сказал Черчиллю: «Он слишком болтлив и не умеет держать язык за зубами». И вот этого болтуна он, Молотов, вынужден ради временной дружбы с Англией тоже держать своим заместителем в Наркоминделе!

Наконец, Андрей Вышинский. Этот польский хорек самый опасный. Шляхтич по рождению, юрист по образованию, меньшевик по партийному прошлому, он в 1908 году угодил за свои революционные речи в бакинскую тюрьму и случайно оказался в одной камере со Сталиным. Конечно, в 1920-м, когда стало ясно, чья власть в стране, он вышел из меньшевистской партии, переметнулся к большевикам и тоже «перебольшевичил» всех – заблистал прокурорскими речами на знаменитых политических процессах 1936–1938 годов. «Вся наша страна, от малого до старого, ждет и требует одного: изменников и шпионов, продавших врагу нашу Родину, расстрелять как поганых псов!.. Пройдет время. Могилы ненавистных изменников зарастут бурьяном и чертополохом, покрытые вечным презрением честных советских людей, всего советского народа. А над нами, над нашей счастливой страной, по-прежнему ясно и радостно будет сверкать светлыми лучами наше солнце. Мы, наш народ, будем по-прежнему шагать по очищенной от последней нечисти и мерзости прошлого дороге, во главе с нашим любимым вождем и учителем – великим Сталиным – вперед и вперед к коммунизму!» Вот какие речи умеет задвигать этот шляхтич! И этим он смертельно опасен, этим елеем он уже вымаслил свой путь к сердцу вождя, который и назначил его заместителем Молотова в Совете народных комиссаров.

Понятно, что все трое не спят по ночам, мечтая и планируя занять кресло своего начальника. Но хрена им лысого! Должности и звания могут меняться в зависимости от политической обстановки, а вот близость к Вождю... Он, Молотов, завоевал ее не лестью и болтовней, а еще в эпоху продразверстки реальными делами на Украине и своим знаменитым девизом «Нужно так ударить по кулаку, чтобы середняк перед нами вытянулся!»...

Тут, прервав мысли Вячеслава Михайловича, молодой кинооператор в армейском полуботинке и кожаном авиационном шлеме вдруг подбежал к своей кинокамере на трехногом штативе, сдернул с нее темную плащ-палатку, круто развернул камеру на восток, в небо и тут же нажал кнопку «мотор». Все невольно посмотрели туда же, куда он направил свой объектив. А там из ватно-серых облаков уже выскользнул и направился к аэродрому немислимый по тем

---

² Ленд-лиз (от англ. *lend* – давать в займы и *lease* – сдавать в аренду, внаем) – государственная программа, по которой США поставляли своим союзникам во Второй мировой войне боевые припасы, технику, продовольствие и стратегическое сырье, включая нефтепродукты. Закон о ленд-лизе, принятый Конгрессом США 11 марта 1941 года, предусматривал, что: поставленные материалы (машины, военная техника, оружие, сырье, другие предметы), уничтоженные, утраченные и использованные во время войны, не подлежат оплате; переданное в рамках ленд-лиза имущество, оставшееся после окончания войны и пригодное для гражданских целей, будет оплачено полностью или частично на основе предоставленных Соединенными Штатами долгосрочных кредитов (в основном беспроцентных займов) ... Всего поставки по ленд-лизу составили около 50,1 млрд. долларов США, из которых 31,4 млрд. долларов было поставлено в Великобританию, 11,3 млрд. – в СССР, 3,2 млрд. – во Францию и 1,6 млрд. – в Китайскую Республику.

временам красавец – четырехмоторный «боинг-24», серебристый гигант с тридцатипятиметровым размахом крыльев.

– Ё-моё! – не сдержал Вячеслав Михайлович завистливого восклицания.

– Новенький, их только начали выпускать, – сказал всезнающий Литвинов. – Исаак Ладдон конструктор.

– В Сан-Диего собирают, – уточнил Майский.

– Но какого хрена он с востока выскочил? – заметил профессионально подозрительный Вышинский.

– Москву обозревали, – предположил Литвинов.

И не ошибся: проделав из Англии кружной, через Тегеран и Баку, перелет на высоте 8000 метров, командир В-24 намеренно облетел сначала Москву, чтобы показать ее своим хозяевам – новому американскому послу в СССР Авереллу Гарриману и его дочери Кэтлин, а также их именитым друзьям: американскому государственному секретарю Корделлу Халлу и генерал-майору Джону Дину, руководителю новоучрежденной американской Военной миссии в Москве. Конечно, при виде русской столицы все они и сопровождавшие их гражданские и военные помощники тут же прильнули к иллюминаторам. Да и было на что посмотреть: купола древних кремлевских соборов, накрытые военной маскировкой, знаменитый Большой театр с покрашенным серо-зеленой краской фасадом, извилистая Москва-река, Красная площадь с закамуфлированным собором Василия Блаженного, прямые и не очень прямые улицы, разбегающиеся от Кремля. Здесь, в этих домах и на этих улицах, им предстояло жить и работать, координируя с советским руководством все свои союзнические операции по разгрому гитлеровской Германии.

Сияя белоснежно лакированным фюзеляжем с голубой каймой под иллюминаторами и надписью «UNITED STATES OF AMERICA», В-24 мягко спустился с небес и с форсом присел на посадочную полосу сначала на задние колеса шасси, а затем на невиданное доселе переднее колесо под своей носовой частью. Таких колоссальных – четырехмоторных! – воздушных лайнеров еще не видели в СССР, и восхищенный оператор ни на секунду не выпускал эту красоту из визира своей кинокамеры, плавной панорамой сопровождал «боинг» до стоянки. Там его уже поджидали два аэродромных техника с новеньким трапом, специально приготовленным под высоту заокеанского монстра.

Конечно, всех важных персон, которые стали спускаться по трапу – Корделла Халла, Аверелла Гарри-мана и Джона Дина – Молотов, Майский, Литвинов и Вышинский знали по встречам в Лондоне, московским переговорам по ленд-лизу, их прошлогоднему приезду в Москву вместе с Черчиллем и по разработкам советской разведки. Семидесятитрехлетний госсекретарь Халл – бывший председатель Демократической партии США, ближайший друг и соратник Рузвельта и антисемит: в 1939 году использовал все свое влияние, чтобы запретить сотням еврейских беженцев из гитлеровской Европы сойти с корабля «Сент-Луис» в США, в результате чего им пришлось вернуться в Европу, где они и погибли.

Аверелл Гарриман – наследственный миллионер, железнодорожный магнат и банкир, главный переговорщик по ленд-лизу, «верный», как он сам себя называет, «офицер своего президента» и активный сторонник сближения Рузвельта и Сталина, которого он считает «тайным демократом». После разгрома Гитлера мечтает вернуть себе польские предприятия – химические заводы, фарфоровую фабрику, цинковую шахту и угольно-металлургический комплекс, которые принадлежали ему до войны. По сообщению советской резидентуры, в Лондоне с ним произошел пикантный случай. Как специальный посланник Рузвельта в Англии и руководитель помощи СССР по ленд-лизу, он был на лондонском светском банкете, когда случилась очередная немецкая бомбежка. Конечно, свет тут же погас, и все гости немедленно спустились в бомбоубежище. Только пятидесятилетний Гарриман, уже пятнадцать лет женатый вторым браком, позволил двадцатилетней Памеле Дигби-Черчилль, подруге своей дочери Кэтлин, уве-

сти себя совсем в другую сторону, в глубину темного хозяйского дома. После короткого брака с Рэндольфом Черчиллем, сыном Уинстона Черчилля, эта Памела – рыжая, голубоглазая и алая наивная простушка – слыла чуть ли не главной сексуальной львицей Лондона. Чем она и Гарриман занимались в темном доме под грохот взрывов ФАУ-1, никто, конечно, не видел, но когда бомбежка закончилась и гости поднялись из бомбоубежища в дом, навстречу им вышли Гарриман и Памела. Глаза у Памелы счастливо сияли, как сияют глаза у женщин только после мощной мужской бомбежки. А усталый, с растрепанной прической Аверелл на ходу застегивал фрак. Немедленно вслед за этим невинным происшествием Гарриман помог дочке и ее подруге Памеле, которая была на два года младше Кэтлин, снять на двоих лондонскую квартиру, что отлично маскировало его частые, якобы к дочери, визиты к Памеле. И эти визиты продолжались до самого отлета Гарримана в Москву, куда его дочь Кэтлин прилетела с ним, как корреспондентка Hearst's International News Service и Newsweek magazine³.

Джон Рассел Дин – твердый орешек. В 47 лет генерал-майор и секретарь Объединенного комитета начальников штабов американской армии, известный своим невозмутимым характером и блестящими организационными способностями. Именно за эти качества Рузвельт и выбрал его на должность руководителя американской Военной миссии в Москве, миссии, которая должна курировать все американские поставки по ленд-лизу и координировать совместные боевые операции американских, британских и советских войск на суше, в воздухе и на море. Для этой работы Дин подобрал в свою команду cream of the cream, лучших специалистов – бригадного генерала Уильяма Криста, адмирала Клоренса Олсена, генерал-майора Сидней Спалдинга и еще три десятка молодых ассистентов и помощников.

Едва гости ступили с трапа на землю, их ошеломил духовой оркестр. Он играл... «Интернационал»! Правда, этот советский гимн никто вслух не пел, но кто же не знает слов: «Вставай, проклятьем заклейменный, весь мир голодных и рабов!..» Впрочем, судя по беззвучно шевелящимся губам Майского и Литвинова, они пели по-французски, в оригинале:

*Au citoyen Lefrancais
de la Commune
C'est la lutte finale:
Groupons-nous, et demain
L'Internationale
Sera le genre humain!*

И прибывшим было совершенно ясно, что обещали им принимающие хозяева СССР:

*Весь мир насилья мы разрушим
До основанья, а затем
Мы наш, мы новый мир построим, —
Кто был ничем, тот станет всем...
Лишь мы, работники всемирной
Великой армии труда,
Владеть землей имеем право,
Но паразиты — никогда!*

---

³ Поскольку даже через тридцать лет Гарриман, едва овдовев, немедленно женился на Памеле Дигби-Черчилль-Хэйвард, вдове бродвейского продюсера Лиланда Хэйварда, публикации британской прессы о ее незаурядных сексуальных талантах, видимо, имели под собой почву...

Особенно «импонировали» эти слова миллионерам Халлу и Гарриману. Хотя виду они, конечно, не подавали, а стояли, замерев, с каменными лицами, что было хорошо видно кинооператору, снимавшему их крупным планом.

Правда, сразу за «Интернационалом» оркестр стал играть гимн США «Star-Spangled Banner», и гости, расслабившись и приложив правую руку к груди, мысленно запели: «O say, can you see, by the dawn's early light, / What so proudly we hailed at the twilight's last gleaming?.. / Whose broad stripes and bright stars, through the perilous fight, / O'er the ramparts we watched, were so gallantly streaming?..»

При этом и пожилые генералы, и их молодые помощники с любопытством присматривались к русским солдатам, парадной шеренгой застывшим у трапа самолета. Так вот с кем они теперь союзники! Высоченные и скуластые молодцы с автоматами ППШ на груди, в ладных шинелях, блестящих зеленых касках, начищенных сапогах и белоснежных перчатках. Медленно поворачивают головы, не отрывая взгляда от проходящих вдоль их строя иностранцев и пожирая глазами двадцатипятилетнюю Кэтлин Гарриман.

Дежурная речь Молотова: «Мы рады приветствовать на нашей земле наших друзей и союзников...» Кажется, подумал кинооператор, в августе 1939-го этими же словами Молотов встречал тут Риббентропа, чтобы подписать знаменитый договор о дружбе с Гитлером, договор, который позволил фюреру напасть на Англию, а СССР – на Польшу. Впрочем, ту встречу Борис не снимал, поскольку тогда он еще учился на операторском факультете ВГИКа. Но он видел и помнил ее по выпускам «Союзкиножурнала», который показывали во всех кинотеатрах страны перед началом каждого киносеанса.

Ответная дежурная речь Корделла Халла, которого Молотову переводил личный переводчик Сталина Валентин Бережков: «Мы уверены, что совместными усилиями мы разгромим нашего общего врага...»

– Караул, направо! – зычно скомандовал командир кремлевской парадной роты. – Шагом марш!

Такого слаженного, с оттягом, прусского печатного шага никогда не видел ни один из прибывших американцев, даже генерал-майор Джон Дин. Подошвы начищенных сапог в унисон взлетали в воздух на стандартную высоту 30 сантиметров и единым ударом обрушивались на землю, как того требовал ритуал, усвоенный еще при императоре Павле. Затем хозяева подвели гостей к их посольским машинам – Халла и Гарриманов к черному «Линкольну» с двенадцатицилиндровым двигателем, Дина – к новенькому кремовому «Бьюику».

Впрочем, это Борис Заточный уже не снимал – сэкономил пленку для съемки следующих гостей, прибытие которых ждали буквально с минуты на минуту.

– А где ваши машины? – спросил между тем Гарри-ман Валентина Бережкова.

– На подходе, – улыбнулся Бережков, он тоже оставался на аэродроме для встречи следующей делегации – британского министра иностранных дел Энтони Идена, советника британского правительства барона Уильяма Стрэнга, посла Великобритании в СССР барона Арчибальда Кларк-Керра и генерала Хастинга Лайонела Исмейя, советника Черчилля по военным вопросам.

Садясь с отцом в машину, Кэтлин оглянулась на помощников Джона Дина, которые направились к ожидавшему их автобусу. Точнее, на одного из них – лейтенанта Ричарда Кришнера. В свои двадцать четыре года этот Кришнер, второй пилот-штурман В-17s «Летающая крепость», уже имел восемнадцать боевых вылетов в Африке и Италии, за что получил «Крест летных заслуг» и «Пурпурное сердце». «Крестом», как известно, награждают за подвиги в воздушном бою, а «Пурпурное сердце» – особая медаль Президента за ранения, полученные в сражениях с врагами США. Сбитый над Сицилией в июле этого года, Ричард катапультировался из своей горящей «Летающей крепости» и, раненный в плечо, не только сам добрался до американских десантников, атакующих город Джела, но и дотащил до них своего

ослепшего и дочерна обожженного первого пилота. Конечно, после госпиталя Ричарда отправили на штабную работу – по негласному правилу, раненных в бою и чудом избежавших смерти пилотов американские генералы, по возможности, старались больше не подвергать опасности. Но и в Объединенном комитете начальников штабов этот Кришнер был заметной фигурой – правда, не столько своими успехами в разработке авиаопераций, сколько легким характером и музыкальным талантом: чикагский джазист, он с детства играл чуть ли не на всех музыкальных инструментах и постоянно таскал с собой футляр с кларнетом, а в кармане – губную гармошку.

Понятно, что такой морлодец пользовался успехом у всего женского персонала Объединенных штабов, и, прибыв в Лондон с командой генерала Дина, не ускользнул от внимания Кэтлин. Но, мерзавец, даже при перелете из Лондона в Москву никак не реагировал на ее пронзительные взгляды, хотя она была единственной дамой во всем самолете. Зато в первый же час полета оббежал весь самолет, нашел среди ста тридцати пяти офицеров новой Военной миссии гитариста и пианиста и выяснил у отца Кэтлин, есть ли в московском посольстве пианино и сможет ли он сколотить там небольшой джаз-банд.

Заводной парень! Вот и сейчас вместо того, чтобы хоть как-то отреагировать на ее внимание, подскочил к духовому оркестру, выпросил, поставив на землю свой походный баул и футляр с кларнетом, у одного из трубачей его огромную трубу, осмотрел ее, восхитился и поговорил о чем-то. А затем остановился возле кинооператора и тычет пальцем в какой-то орден у того на груди. Неужели предлагает махнуть орденами? Впрочем, бригадный генерал Уильям Крест прервал этот контакт, позвал Ричарда в зеленый посольский автобус, куда уже сели все остальные члены делегации.

Провожая глазами отчалившие в сторону Москвы машины и автобусы американского посольства, Молотов коротким кивком подозвал к себе одного из своих помощников. Показав глазами на гиганта В-24, сказал негромко:

– Павел Анатольевич, нам нужны характеристики этой машины.

– Не беспокойтесь, Вячеслав Михайлович, – нагнулся к нему высокий стройный мужчина в штатской одежде, но с явно военной выправкой. – Видите наших техников, обслуживающих самолет? Они этим уже занимаются. Между прочим, это личный самолет Гарримана.

– Его собственный самолет? – не сдержал изумления Молотов.

2

МОСКВА, тот же день. 18 октября 1943 года

Москва встретила американцев хмуро – ни солнца, ни веселых лиц у прохожих, ни яркой рекламы. На Можайском шоссе и даже на улицах Трехгорки, от которых немцев год назад удалось остановить всего в тридцати километрах, еще стояли баррикады и противотанковые ежи, а также ящики с песком для тушения зажигательных бомб и зенитные орудия с женскими расчетами. Только ближе к центру все-таки появились люди – мужчины в военной форме с портфелями на кожаных ремнях через плечо озабоченно спешили куда-то по своим делам, а женщины в куртках «хаки», ватных штанах и резиновых сапогах чинили трамвайные пути и засыпали песком воронки на мостовых. Стены большинства домов потрескались, штукатурка осыпалась, обнажив арматуру. Окна в домах и витрины магазинов забиты досками или заклеены старыми газетами, а у редких открытых магазинов стоят длинные очереди пожилых людей. Все одеты кое-как, в заношенное и старое. Лица замкнутые, хмурые и осунувшиеся, молодежи и детей нет вовсе. Все это угнетало и заставляло тревожно переглядываться. Правда, когда навстречу прибывшим американцам стали попадаться грузовые «Студебеккеры», все оживилось и в головных лимузинах, и в автобусе.

– Смотрите, наши грузовики!

– Но женщины за рулем...

Потом у какого-то перекрестка черный раструб громкоговорителя на телеграфном столбе что-то громко вещал по-русски. Под столбом стояла небольшая толпа и слушала, задрыв головы. Водитель автобуса тоже включил радио, русский диктор победным тоном сообщал что-то оптимистическое. Посольский переводчик капитан Генри Уэр сказал:

– Это автобус нашего посольства, поэтому в нем есть радио. А у всех советских людей радиоприемники конфискованы в начале войны...

– А что по радио говорят? – спросил генерал Дин.

– Сводки с фронтов. Перевожу. Вчера на Украине советские войска вели упорные бои за город Мелитополь. Юго-восточнее города Кременчуга русские продвинулись вперед на семь километров. Севернее Киева они ведут бои на правом берегу реки Днепр. За семнадцатое октября на всех фронтах русские уничтожили сто семьдесят один немецкий танк, сбили сорок пять самолетов и уничтожили до двух тысяч гитлеровцев...

– Good! – сказал Ричард Кришнер и на губной гармошке сыграл ликующую трель в верхнем регистре.

– Но они ничего не говорят про наши победы в Италии и в Африке, – заметил генерал Крист.

– Да, – подтвердил переводчик. – У Кремля очень странная манера. Мы союзники, воюем с немцами в Европе и в Африке, шлем сюда самолеты, танки, продукты, но они об этом не говорят своему народу ни слова...

– Ничего, – сказал генерал-майор Сидней Спалдинг. – Когда мы построим тут наши аэродромы и начнем долбать с них немцев, они не смогут скрыть это от русских...

«Линкольн» привез Халла и Гарриманов на Арбат к знаменитому особняку «Спасохаус», резиденции американских послов с 1934 года, а «Бьюик» и автобус доставили генерала Дина с его командой в посольский особняк на Моховую улицу рядом с отелем «Националь». «Спасохаус», расположенный всего в миле от Кремля и получивший свое название из-за соседства со старинной церковью Спаса Преображения на песках, был в 1914 году построен в стиле ампира «русским Морганом» Николаем Второвым, но экспроприирован большевиками сразу после революции. До установления советско-американских дипломатических отношений в 1933-м в нем с далеко непростым шиком проживали первый Народный комиссар по

иностранным делам Георгий Чичерин и другие партийные боссы. Но в 1933-м в результате поездки Литвинова в Вашингтон президент Рузвельт признал СССР, США установили с Москвой дипломатические отношения, и в 1934-м Уильям Буллит, первый американский посол в Советском Союзе, арендовал у Кремля для посольства два московских здания – «Спасо-хаус» и особняк на Моховой. С тех пор и по сей день над «Спасо-хаусом» развевается американский флаг...

Когда 18 октября 1943 года Корделл Халл и Аверелл Гарриман с дочкой Кэтлин вошли в этот особняк, Кэтлин воскликнула в ужасе:

– Oh, my God!

Действительно, состояние особняка было ужасным. На первом этаже в просторном зале приемов большие витражные окна разбиты со времен прошлогодних немецких бомбежек, стены облупилась, фрески и ампириная лепнина потолков потрескались, мебель сломана, крышка рояля пробита, и даже в апартаментах на втором этаже, где до войны останавливались американские сенаторы, – собачий холод, отопление только примусами и буржуйками.

Переходя из одного помещения в другое, Кэтлин, кутаясь в пальто, спрашивала у отца:

– Dad, what we're going to do? [Что мы будем здесь делать?]

Но Гарриман, который был в России не впервой, только усмехнулся:

– Мы будем здесь жить, дорогая. И ты, как хозяйка, наведи тут порядок.

– Что? – изумилась Кэтлин. – Ты назначаешь меня хозяйкой «Спасо-хауса»?

– Конечно. На войне, как на войне. Мы с Корделлом будем заниматься политикой, а ты хозяйством.

– Гм! – Кэтлин выпрямилась и уже по-другому огляделась, и другой походкой пошла по «Спасо-хаусу». Достав журналистский блокнот, стала записывать в него все, что требовало ремонта в первую очередь – окна, отопление, мебель...

Но тут секретарь посла доложил:

– Мистер Гарриман, вас к телефону.

– Кто?

– Господин Молотов.

Гарриман взял трубку. На том конце провода был не Молотов, а его переводчик Павлов. Он сообщил, что председатель Совета народных комиссаров товарищ Вячеслав Михайлович Молотов приглашает господина государственного секретаря Халла, посла Гарримана и генерал-майора Дина в Кремль на советско-американо-британскую конференцию, посвященную путям и средствам ускорения завершения войны.

– А когда конференция? Завтра? – спросил Гарриман.

– Прямо сейчас, – сообщил Павлов.

– Но англичане?... – заикнулся Гарриман.

– Они уже прибыли, – ответил Павлов.

3

МОСКВА, тот же день. 18 октября 1943 года

Грохот бомбовых ударов, рев истребителей и гул артиллерийской канонады сотрясал мраморный вестибюль здания Центральной студии кинохроники в Лиховом переулке в центре Москвы. Но никто из толпившихся тут военных операторов не обращал на это никакого внимания, поскольку все знали – это всего лишь озвучка кинохроники, снятой ими самими на фронтах войны. С ее самых первых дней сто восемьдесят лучших кинооператоров страны были мобилизованы Министерством обороны для съемок боевых действий Красной армии, и с той поры Студия кинохроники превратилась в круглосуточно гудящий штаб – отсюда знаменитые Роман Кармен, Илья Копалин, Виктор Доброницкий, а также еще не знаменитые кинооператоры разлетались не только по всем фронтам от Кавказа до Заполярья, но даже и за линию фронта, к партизанам. И сюда же они возвращались (если оставались живы) с коробками отснятой киноплёнки, сдавали их в проявочную лабораторию, ночевали тут же, в подвале, где стояли ряды солдатских коек, перекусывали в студийной столовой, «хряпали» с друзьями по «стопарю», получали новое назначение у начальника Управления кинохроники Федора Васильченко, и – всё, «будь жив, браток!». Снова в машину, снова на аэродром, снова в какой-нибудь У-2, и – на самый передний край, в атаку. Только не с автоматом, а с американской кинокамерой «Аймо», которая видит не больше, чем на двести метров, и снимает (точнее, тянет 15 метров пленки) не дольше тридцати секунд.

Поэтому в вестибюле студии стоял постоянный гул голосов, хлопанье по плечам, едкий дым фронтовой махорки, шумная радость по поводу возвращения с фронта живого приятеля и огорченный мат по поводу новости об очередном погибшем. В этом бурном колдовороте вечно куда-то спешащих и на ходу обменивающихся новостями коллег Борис Заточный переходил от одной группы к другой со странным для всех вопросом:

– Как правильно: «Хал» или «Хэл»?

– А что это?

– Не «что», а «кто». Американский госсекретарь. По-английски пишется «Hall». А по-русски как? Хал или Хэл?

– А на хрена тебе, как он пишется?

– В монтажный лист записать. Я снимал сегодня его приезд.

– А он приехал Второй фронт открывать?

– Не знаю...

– Если не знаешь, то какая разница, как его писать? Пиши не «Хел», а «Хер»!

– Да ну вас!

И – к следующей группе:

– Как правильно: американский госсекретарь Хэл или Хал? Мне в монтажный лист записать.

– А ты что теперь, кремлевский оператор?

– Да вот тормознули почему-то между фронтовыми командировками... – Борис словно извинялся за то, что его «тормознули» в Москве для правительственных киносъемок. Хотя прекрасно знал, почему – он слыл одним из лучших мастеров крупных планов, его камера всегда находила именно тот ракурс и то световое освещение, при котором любое лицо становилось красивей и содержательней.

Так бы он и промаялся незнамо сколько со своей сложной дилеммой, если бы проходящий мимо Федор Михайлович Васильченко не бросил на ходу:

– Заточный, найди Школьникову и – ко мне.

Искать Семена Школьников, которого Заточный знал еще по ВГИКу, долго не пришлось – тот сам его искал, и через несколько минут они уже стояли в крохотном кабинете Васильченко, украшенном портретом Сталина и плакатом «Родина-мать зовет!». Увидев в руках у Заточного монтажные листы, Васильченко жестко глянул ему в глаза:

– Ты еще не сдал монтажные?

– Да вот, не знаю, как вписать американского госсекретаря, – объяснил Борис. – Не то «Хэл», не то «Хал»...

– Срочно сдай в «Летопись», как есть. Там редактор разберется.

Борис огорчился. Сдать снятый материал в «Летопись войны» означало, что ни в какой киножурнал он не войдет, а канет в архив, как прошлой зимой ушел в архив весь материал, снятый Заточным в Мурманске о приходе туда очередного американского морского транспорта с самолетами, тушенкой, яичным порошком и...

– У меня другой вопрос, – перебил его мысли Васильченко. – Вы оба когда-нибудь прыгали с парашютом?

– Гм... – смешался Борис. – Я – нет...

– А я и без парашюта не прыгал, – сострил Семен Школьников. – Но если надо...

– Надо, – твердо сказал Васильченко. – Завтра же начнете теоретическую подготовку, а потом сделаете пару контрольных прыжков и полетите в Белоруссию, к партизанам. Нам поручено срочно снять большой фильм о народных мстителях.

– Ну, если срочно, то никаких контрольных прыжков мы делать не будем, – заявил вдруг Школьников. – Отправляйте нас на аэродром, там нам скажут, как прыгать, и мы прыгнем, куда надо. – Он повернулся к Заточному: – Ты согласен?

– Так точно! – по-фронтовому отозвался Заточный.

4

МОСКВА. 19 октября 1943 года

На столе еды было столько, сколько съесть нельзя. Свежие фрукты в огромных вазах, красная и черная икра в серебряных икорницах, семга и лососина, форель и стерлядь, жареные поросята, барашки и козлята, фаршированные индейки, горы овощей на изысканных фарфоровых и фаянсовых блюдах, целые батареи крепких напитков и всевозможных вин. Для иностранцев, прилетевших из полуголодного Лондона, где не так давно даже Черчилль угощал Молотова лишь овсяной кашей, такое обилие яств в военной Москве было настоящим шоком. По сообщениям прессы и своих дипломатов они прекрасно знали о советской карточной системе распределения продуктов, здесь даже рабочим танковых заводов продавали только 400 граммов мяса на целый месяц! А служащим и иждивенцам полагалось и того меньше. И вдруг – такое пиршество! А сервировка! Тончайшие бокалы для вина и шампанского, особые рюмки для ликеров и, конечно, хрустальные рюмки для водки, без которой не обходится ни одно российское застолье.

Судя по тому, как спокойно, без жадности и спешки, золотыми вилками и ложками вкушают эти яства упитанные советские лидеры – председатель правительства Вячеслав Молотов, руководитель снабжения Красной армии Анастас Микоян, заместитель главнокомандующего маршал Климент Ворошилов и представитель Генерального штаба Анатолий Грызлов – они и в своей обычной жизни питаются не по продовольственным карточкам.

Тосты за дружбу, за общую победу над фашизмом и мерзавцем Гитлером, за Сталина, за Рузвельта, за Черчилля, за Халла, за Идена, за Гарримана, за Кларк-Керра и даже за нее, Кэтлин! И ведь пить нужно bottom up, до дна, а официанты все подливают и подливают, и какие официанты! Вышколенные красавцы во фраках, даже наливая из тяжелых бутылок с шампанским, левую руку держат у себя за спиной, а когда Кэтлин вскользь заметила отцу, что черная икра особенно хороша с лимонным соком, то ровно через шесть секунд перед ней уже стояла фарфоровая розетка с тонко нарезанным лимоном!

А ведь еще вчера, в день прилета, когда их срочно вызвали к Молотову, прием там был совершенно иной – не просто холодный, а ледяной! Потому что русские уже знали, что Халл, Гарриман и Иден привезли сообщение о новой отсрочке открытия Второго фронта. Поскольку успешная высадка союзного десанта в Европе возможна только при их полном господстве в небе над Германией, то есть предварительном уничтожении всей гитлеровской авиации. Но значительную часть своих авиационных заводов Гитлер предусмотрительно перевел подальше от западных границ на восток, куда не могут долететь британские и американские бомбардировщики. При дальности полета три тысячи километров, половину этого расстояния следует оставить на обратную дорогу, и, таким образом, уничтожить немецкие восточные заводы можно только авианалетами с территории СССР. А у Красной армии нет тяжелых бомбардировщиков, и поэтому союзники уже год предлагают советским друзьям разместить американские авиабазы на советской территории. Бомбежки восточных заводов и авиабаз врага не только ускорят открытие Второго фронта, но и помогут скорейшему наступлению Красной армии, снизят ее потери.

Однако Молотов, Вышинский и Майский не стали обсуждать этот план. Они продолжали твердить, что с немцами воюет лишь Красная армия, а союзники только русскими руками таскают, как они выражаются, «каштаны из огня». А то, что несколько десятков гитлеровских дивизий, которыми Гитлер мог остановить наступление русских, – что эти дивизии увязли и уничтожены в Африке и в Италии ценой тысяч погибших солдат союзников, – нет, это Молотов и остальные советские вожди пропускают мимо ушей, будто не слышат. Советское радио вообще не сообщает об этом своему народу. А когда вслед за Гарриманом и Дином британский

посол Энтони Иден повторно озвучил предложение о создании своих аэродромов на территории СССР, Молотов лишь скупно заметил: «Советское правительство в принципе не возражает». И тут же напомнил, что с февраля и по сей день ни один конвой с грузом по ленд-лизу не пришел от союзников в советские порты. После чего сухо пожал руки именитым гостям и сообщил, что следующее заседание конференции состоится 19 октября, в 13:00 в Доме приемов МИДа на Спиридоновке, 17.

Тем не менее, выходя из Кремля, англичане стали воодушевленно обсуждать фразу Молотова о «принципиальном согласии» на открытие союзнических авиабаз на русской территории. Но отец их остудил. Имея двадцатилетний опыт общения с советским правительством, он сказал, что по-русски согласие «в принципе» означает всего лишь *may be, sometimes in the future or never at all*.

И вдруг сегодня – такой воистину королевский прием на этой Спиридоновке в старинном особняке с золочеными потолками, полами в восточных коврах, парчовыми стенами, огромными картинами в тяжелых позолоченных рамах и с музейными статуями у витражных окон. Пир горой – густой русский борщ, отменная стерлядь, нежнейшая форель и новые тосты за дружбу... Не то русские смирились с отсрочкой открытия Второго фронта, не то это у них такая манера общения с иностранцами – из дипломатического льда сразу в жар горячительных напитков. Как жаль, что она, Кэтлин, вычеркнула Ричарда Кришнера из списка помощников, сопровождающих генерала Дина на этот прием. То была ее маленькая женская месть за его невнимание. Но кто же знал, что тут будет такое пиршество, да еще с настоящим французским шампанским, превосходным коньяком, канадским виски и ледяной русской водкой! Уж тут, под градусом, Кришнер не смог бы от нее отвертеться. Хотя теперь плевать ей на Кришнера, вон как смотрят на нее молодые и статные русские полковники – помощники Микояна и Грызлова! Интересно, как они все – и русские, и американцы, и англичане, и китайцы, воюющие с Японией и приглашенные сюда по настоянию Корделла Халла, – собираются проводить конференцию после того, как уже потерял счет выпитым *bottom up* бокалам шампанского и рюмкам русской водки?

Впрочем, ей-то, Кэтлин, что до этого? У нее сейчас главная дилемма – срочно выяснить, где тут женский туалет, или, зажав колени, дожидаться, когда услужливый официант отрежет ей порцию от огромного торта из мороженого и шоколада – торта, величиной с Букингемский дворец.

– Извините, сэра, можно мне выпить с вами и вашей дочерью? – прозвучал над ней и ее отцом приятный мужской голос.

– Конечно, – поднялся Гарриман. – С кем имею честь?

– Комиссар Павел Анатольевич Судоплатов, – представился высокий статный мужчина.

5

БЕЛОРУССИЯ. Конец октября 1943 года

Разрывы зенитных снарядов были слева и справа. Но У-2 не сворачивал с курса, а, полагаясь на то, что немцы стреляют наугад на шум его негромкого, как у швейной машины, мотора, все тянул и тянул по ночному небу со скоростью сто километров в час. Крохотный одномоторный биплан, который фашисты прозвали «Kaffeemühle», кофемолкой, не был виден на их радарх, и попасть в него в безлунную ночь они могли только чудом. Хуже было то, что по направлению звука двигателя немцы поняли, куда он летит, и, конечно, предупредили карателей, воюющих с партизанами. Но с этим, наверное, ничего не поделаешь, думал Борис Заточный, сидя за пилотом и вертя по сторонам головой – на случай появления «мессера» он двумя руками держал наготове автомат. Где-то рядом или, скорей всего, позади на таком же У-2 летел Семен Школьников и тоже, наверное, готовился из ППШ сбить «мессера». Но никакой «мессершмитт» не появился и, судя по тому, что зенитный огонь прекратился, линию фронта они пересекли благополучно. Еще час летчик вел самолет строго на запад, затем круто свернул на север и через полчаса внизу, в густой мгле открылись сигнальные костры партизан. Впрочем, партизан ли? Зная о ночных рейдах У-2, немцы нередко устраивали ловушки, разводя в ельниках такие же сигнальные костры.

Пилот повернулся к Борису и махнул правой рукой:

– Пошел!

Заточный прыгал впервые в жизни, да к тому же в ночную темень. И хотя его инструктировали нырять вниз головой, но, во-первых, это уж слишком страшно падать вниз головой из самолета, а, во-вторых, на нем был не только заплечный парашют, но и кофр с кинокамерой «Аймо», кассеты с пленкой и боезапас на груди и на поясе. Он с трудом вывалился из самолета боком.

Сначала – в полной и глухой темноте – летел с остановившимся сердцем и зажатым от ужаса дыханием, затем – и почти тут же, в панике – дернул кольцо, услышал хлопок раскрывшегося парашюта, ощутил его рывок, увидел над собой его купол и вздохнул с облегчением.

В полете целился на костры, приземлился, как инструктировали, на полусогнутые ноги и сразу оказался среди своих, но – под огнем карателей, которые теснили партизан к болотам на границе Белоруссии и Латвии. Мины и снаряды рвались со всех сторон, немцы вели прицельный огонь по кострам, которые партизаны не могли погасить до прилета Заточного и Школьникова. Правда, вскоре приземлился и Школьников, и вдвоем они тут же стали снимать вынужденное отступление партизан к болотам. Метод парной кино съемки фронтовых событий был отработан на ЦСДФ еще с первых дней войны – пока один оператор снимает общие планы, второй снимает крупные – лица, оружие и другие детали. В результате при монтаже получаются короткие, но яркие сюжеты.

Брести по болотам партизанам пришлось только ночами, разбившись на мелкие группы. Пять ночей местные старики-белорусы вели цепочки народных мстителей по одним им известным кочкам, сапоги и ботинки вязли в подмороженной грязи и тине. Операторы снимали это месиво, усталые лица бредущих партизан, чавканье снарядов в болотистой гнили, установку саперами мин на случай немецкой погони. Пружины «Аймо» тянут только пятнадцать метров пленки, затем нужно снова закручивать завод. Перезаряжать кинокамеры приходилось во влажных мешках. Лишь на шестые сутки партизаны выбрались на сухую землю возле поселка Павлово в Могилевской области, передохнули и, собравшись все вместе, ударили немцев с тыла.

Завязался тяжелый бой. Заточный и Школьников то ползком, то поднимаясь в полный рост, снимали его с разных точек. Фашисты наступления партизан никак не ожидали и в

панике, бросая свою артиллерию и минометы, отступили в те же болота, откуда только что вышли партизаны. Но у фашистов не было местных провожатых, и, увязая в промерзшем болоте, они выглядели, как мухи, прилипшие к липучей бумаге. Партизаны расстреляли их всех.

6

МОСКВА. 30 октября 1943 года

ДЕКЛАРАЦИЯ ЧЕТЫРЕХ ГОСУДАРСТВ ПО ВОПРОСУ О ВСЕОБЩЕЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Правительства Соединенных Штатов Америки, Великобритании, Советского Союза и Китая... заявляют:

1. Что их совместные действия, направленные на ведение войны против их соответственных врагов, будут продолжены для организации и поддержания мира и безопасности.

2. Что те из них, которые находятся в войне с общими врагами, будут действовать совместно во всех вопросах, относящихся к капитуляции и разоружению этих соответственных врагов.

3. Что они примут все те меры, которые они считают необходимыми, против любого нарушения условий, предъявленных к их противникам.

4. Что они признают необходимость учреждения в возможно короткий срок всеобщей Международной организации для поддержания международного мира и безопасности, основанной на принципе суверенного равенства всех миролюбивых государств, членами которой могут быть все такие государства – большие и малые.

5. Что они будут консультироваться друг с другом и с другими членами Организации Объединенных Наций, имея в виду совместные действия в интересах поддержания международного мира и безопасности, пока не будут восстановлены закон и порядок и пока не будет установлена система всеобщей безопасности.

6. Что по окончании войны они не будут применять своих вооруженных сил на территории других государств, кроме как после совместной консультации и для целей, предусмотренных в этой декларации...

В. МОЛОТОВ

КОРДЕЛЛ ХАЛЛ ЭНТОНИ ИДЕН ФУ ВИН ЧАН

7

МОСКВА. Вечер 30 октября 1943 года

– Это самая прекрасная лестница из всех, что я видел в своей жизни! – восхищенно сказал Гарриману генерал Джон Дин.

Остальные члены делегаций, приглашенные к маршалу Сталину по случаю подписания «Декларации четырех государств», были настолько потрясены роскошью Кремлевского дворца, что не смели и рта открыть. Молча глаза то на стрельчатые пилоны из желтого мрамора, соединенные золочеными решетками, то на огромную картину, изображающую Куликовскую битву, они все шли и шли вверх по бесконечно высокой и покрытой красной ковровой дорожкой лестнице.

Кэтлин, одетая в закрытое серое платье, держалась поближе к отцу, а Ричард Кришнер сопровождал генералов команды Джона Дина.

Когда, пройдя мимо двух огромных хрустальных ваз, стоявших у высоких резных дверей, все делегации вошли в аванзалу, к ним в сопровождении Молотова вышел Иосиф Сталин. По журналистской привычке Кэтлин старалась запомнить все детали этого события и мысленно записывала их в свой блокнот. Сталин был в летнем светло-коричневом мундире с маршальскими звездами на погонах. Всех поразил его невысокий рост и щетинисто-стальные волосы, резко контрастирующие с добрым выражением морщинистого, в глубоких оспинах лица. Великий артист, он молча, не глядя никому в глаза, обошел всех присутствующих и каждому пожал руку. Затем коротким жестом пригласил всех в банкетный зал.

Там, в царской столовой, отделанной красной парчой и искусственным мрамором, освещенной роскошной хрустальной люстрой, похожей на перевернутый букет, был накрыт обеденный стол, не уступающий обилием блюд и напитков обеду в Доме приемов на Спиридовке. Черная и красная икра, заливные осетры, мясо ягнят... И официанты были те же самые, знакомые Кэтлин по предыдущему банкету. Но теперь она уже знала о тайной цели этих правительственных пиршеств для иностранцев в голодной Москве. Один из русских ухажеров (к радости Кэтлин, она стала здесь пользоваться таким мужским вниманием, какого никогда не знала ни в США, ни в Англии), так вот, один из этих русских ухажеров сказал ей, что даже год назад, когда немцы были в тридцати километрах от Москвы, и голодный город буквально «висел на волоске», Сталин накрывал Черчиллю такие же обильные столы. А все для того, чтобы показать свое полное спокойствие и уверенность в победе. И надо сказать – это сработало, Черчилль, который в августе 1941-го прилетел в Москву со своими бутербродами, вернулся в Англию чуть ли не в восторге от Сталина и распорядился активизировать помощь СССР по ленд-лизу. До июля 1942 года с северными конвоями в СССР прибыло 964 тысячи тонн оружия, оборудования и продовольствия, 2314 танков, 1550 танкеток и 1903 самолета. Только ужасная трагедия с гибелью почти всего британского конвоя PQ-17 – из 36 транспортов немцы потопили 23 – заставила британское правительство остановить отправку северных конвоев в Советский Союз...

Теперь, когда гости и хозяева расселись за праздничным столом в соответствии со своими регалиями и чинами, Молотов взял на себя роль тамады и произнес тост за советско-американо-британскую дружбу. Все, включая Сталина, конечно, встали и выпили до дна. После чего слово для тоста Молотов предоставил Халлу, потом Идену, затем Гарриману и так далее по дипломатическому табелю о рангах, и каждый раз все синхронно вставали, синхронно выпивали bottom up и садились, чтоб успеть закусить перед следующим тостом. Когда очередь дошла до генерала Джона Дина, тот сказал:

– Я глубоко польщен честью быть главой американской военной миссии в России и считаю свою маленькую команду авангардом миллионов американцев, которые вместе с нашими

союзниками будут воевать до полной победы над нашим общим врагом. Я хочу выпить за тот день, когда передовые части британских и американских войск встретятся с передовыми частями Красной армии на улицах Берлина и обнимутся в знак нашей общей победы!

Все снова чокнулись, выпили до дна, но, глядя на стоящего Молотова, никто не сел. Кэтлин удивленно смотрела на мужчин, застывших с рюмками и бокалами в руках. За их спинами двигалась какая-то невысокая фигура, но только когда этот человек приблизился к американской делегации, Кэтлин поняла, что это Сталин. С бокалом красного вина в правой руке он подошел к генералу Дину, сказал ему что-то по-русски, а переводчик Валентин Бережков пояснил:

– Маршал Сталин присоединяется к вашему тосту и хочет выпить с вами персонально! До дна!

Все, конечно, заплодировали, а Ворошилов, Микоян, Грызлов и Судоплатов тут же подошли к Дину и тоже чокнулись с ним своими рюмками.

8

БЕЛОРУССИЯ. ДЕРЕВНЯ ПОДПАВЛОВЬЕ. Ноябрь 1943 года

В избе было темно, только из печи сквозь решетку изредка сыпались в поддувало красные искры от догорающих дров.

Лежа на жестком топчане и укрываясь мохнатой овчиной, Борис Заточный говорил Школьникову, лежавшему на двух сундуках:

– Все-таки что-то с нашей цивилизацией не так. Ты посмотри на нас, на людей, издали, с какой-нибудь отдаленной планеты. Какие-то жуткие существа, веками истребляющие друг друга и постоянно создающие все новые средства массового уничтожения. Никто из прочих живых существ не отличается таким зверством. Хотя и слово «зверство» тут не годится. Звери не собираются в войска, чтобы убивать себе подобных. Белые медведи не занимаются пленением бурых медведей, а бурые медведи не устраивают побоища белым медведям. Волки могут объединиться в небольшую стаю для охоты на больного оленя, но степные волки не воюют с лесными волками, и даже шакалы не грызут шакалов. А морские чайки не клюют озерных уток, и зайцы не грызут сусликов. Только мы, homo sapiens, одновременно с созданием «Песни песней», «Лунной сонаты» и «Девочки с персиками» изобретаем гильотины, танки, ракеты, бомбардировщики и отравляющие вещества для истребления таких же homo sapiens. Причем, чем выше прогресс, тем мощнее становятся средства массового истребления себе подобных. И обрати внимание – никакого развития гуманизма не наблюдается: чем походы крестоносцев или казни инквизиции отличаются от гитлеровских виселиц и массовых расстрелов?

– Ты хочешь сказать, что мы зверски расстреляли немцев в болоте?

– Нет, я знаю: кто с автоматом к нам придет, от автомата погибнет. Но как может нация Баха, Гете и Моцарта строить виселицы и расстреливать женщин, детей и стариков?

Школьников молчал. Вопрос мгновенного, всего за несколько лет, пещерного озверения всей немецкой нации уже давно не обсуждали ни русская, ни зарубежная пресса. Знаменитый призыв Ильи Эренбурга «Убей немца!» был таким же естественным ответом на чудовищные преступления фашистов, как «раздави блоху и клопа». И все-таки...

– Немцы объявили себя высшей расой, – медленно проговорил он. – Но я считаю: тут все наоборот. Высшая раса – это не национальность. Высшая раса – это Бетховен, Шекспир, Чайковский, Толстой, Чарли Чаплин... А Гитлер, Геббельс, Муссолини – это мелкие бесы. Помнишь про черта из сказки? Он сидит на берегу озера, крутит в воде веревку и вызывает чертей. Вот этих чертей, бесов и леших Гитлер вытащил с немецкого дна и бросил на нас. А мы их расстреляли. Они же нелюди...

– Да, с нашей точки зрения, – ответил Борис. – А вот мой отец астроном. Всю жизнь смотрит в телескоп и ищет инопланетян. И я вот думаю: а что, если инопланетяне тоже смотрят на нас в свои телескопы? Что они видят? Разве они видят Чайковского или Бетховена? Гитлера или Геббельса? Нет, они видят, как мы, люди, массами истребляем друг друга. Раньше убивали сотнями – топорами и саблями, а теперь пушками и бомбами взрываем целые города. То есть, с их точки зрения наш прогресс – это растущий инстинкт самоистребления и уничтожения своей планеты.

– Боря, ты в своем уме? Спи! И не вздумай говорить об этом в Москве!

– Ладно, сплю. Что мы снимаем завтра?

– Партизаны обещали устроить взрыв немецкого эшелона с танками.

– Тогда все, спим!

9

МОСКВА. 5 октября 1943 года

Как истинный американец и боевой генерал, Джон Рассел Дин не привык бездельничать и ждать у моря погоды, даже если это «море» называется Генеральный штаб Красной армии. Он прилетел в Москву для координации боевых действий американской и британской армий с русскими союзниками, и в первый же день предложил Молотову «in order to effect shuttle bombing of industrial Germany...» – для эффективной челночной бомбардировки немецкой промышленности срочно построить у фронтовой зоны несколько американских авиабаз. И, как показалось американцам, эта напористость оправдалась: уже через несколько дней в «Особо секретном протоколе», подписанном Молотовым, Корделлом Халлом и Энтони Иденом, было зафиксировано:

«Делегаты США представили конференции следующие предложения:

- (1) Чтобы, в целях осуществления сквозной бомбардировки промышленной Германии, были предоставлены базы на территории СССР, на которых самолеты США могли бы пополнять запасы горючего, производить срочный ремонт и пополнять боезапасы.
- (2) Чтобы более эффективно осуществлялся взаимный обмен сведениями о погоде...
- (3) Чтобы было улучшено воздушное сообщение между этими странами».

И поскольку на следующий день сам маршал Сталин поддержал тост Дина за скорейшую общую победу, то теперь каждый день ожидания реальных мер по внедрению своих предложений генерал Дин считал не просто потерянным временем, а огромным уроном для своей миссии. Поэтому, выждав пять дней после роскошного банкета в Кремле и помня, сколько водки выпил с ним за дружбу маршал Ворошилов после сталинского персонального тоста, Дин решил действовать по-армейски, напрямую. Вызвав к себе капитана Генри Уэра, переводчика, он сказал:

– Одевайтесь, мы идем в русский Генштаб к Ворошилову.

– Really? Неужели? – не сдержал изумления капитан.

– Чему вы изумляетесь?

– Сэр, простите, но, насколько я знаю, все контакты с советским военным руководством мы обязаны заранее согласовывать через генерала Евстигнеева, ОВС – Отдел внешних сношений Народного комиссариата обороны.

– К черту ОВС! – отрезал генерал. – Этот Евстигнеев просто мундир, набитый ватой! Все, что попросишь, тонет в этой вате безо всякого результата! Пошли!

И, натянув свою парадную куртку, Джон Дин решительно спустился по гостиничной лестнице, вышел на Моховую улицу. Капитан Уэр поспешил за ним. На улице был ноябрьский морозец с пронизывающим ветерком, но Дин не стал вызывать машину, а, свернув налево, направился к Знаменке. Его высокие ботинки громко стучали по обледенелому тротуару. Рядом, по Манежу катили грузовики с молодыми солдатами, прятавшими головы в поднятые воротники своих шинелей. Конечно, они катили на фронт. За ними на фоне низкого серого неба торчали темно-красные шпили кремлевских башен. Одного слова советских вождей, которые сидели за этими башнями, будет достаточно, чтобы сотни американских В-17 и «дугласов» смогли взлетать с аэродромов на русской земле и громить немцев, помогая этим молодым солдатам и спасая их...

Оба – и генерал, и капитан – шли, не оглядываясь, и не видели, как из дверей их гостиницы заволокло выбежали двое мужчин в штатском и бегом припустили за ними.

На углу Моховой и улицы Коминтерна на Дина и Уэра выскочил лейтенант Ричард Кришнер. Конечно, русские агенты наружки тут же притормозили, сделали вид, что завязывают шнурки на одинаковых кирзовых ботинках. А за спиной у Кришнера в той же позе остановился его филер-энкавэдэшник.

– Привет, лейтенант, – сказал генерал Дин Ричарду. – Вы откуда?

– Деньги менял, сэр, – доложил Кришнер. – Вы же знаете: в гостиничном бюро обмена нам дают пять русских рублей за доллар. А что можно купить за пять рублей? На рынке одно яйцо стоит четыре рубля! Но я обнаружил, что в русском МИДе есть касса для дипломатов, там за доллар дают двенадцать рублей! То есть три яйца! Хотите, я вам тоже поменяю?

– Спасибо, мне пока своих яиц хватает, – хмуро сказал генерал. – Следуйте за мной!

– Есть, сэр!

Дин шел и думал о своих подчиненных. Этот пилот Ричард Кришнер прибыл сюда, чтобы разрабатывать совместные американско-советские авиационные операции. Но вот уже пять суток ни он, ни его коллеги ничего не делают, потому что ни с помощью генерала Евстигнеева, ни без него никаких контактов с советским Генеральным штабом у них нет. При этом парни почти голодают – на завтрак в гостинице им дают стакан какао на воде и манную кашу без молока – ложек пять. Остальное подавальщицы отливают себе. А когда ребята достают свои, прибывающие по ленд-лизу, консервы, те же подавальщицы смотрят такими голодными глазами, что парни половину оставляют на столе и уходят...

Возле серого здания Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина группа русских, стоявших у газетных стендов, рассмешила переводчика Уэра и отвлекла генерала от этих мыслей.

– Чему вы смеетесь? – спросил Дин, продолжая шагать к Знаменке.

– Русским шуткам, сэр.

– Каким именно?

– Они прочли в газете «Правда»: в Москве четыре театра открылись премьерой пьесы «Фронт».

– И что тут смешного?

– Один сказал другому: «Американцы второй фронт никак не могут открыть, а мы – сразу четыре открыли!»

Дин и его спутники свернули на Знаменку. Филеры, держась на расстоянии, двигались за ними.

У высоких дубовых дверей Генерального штаба топтался на морозе молодой часовой в кирзовых сапогах, серой шинели и шапке-ушанке, с винтовкой на плече. При приближении иностранцев в незнакомой военной форме он выпрямился, загородил собой дверь и обеими руками схватился за винтовку.

Но Дин бесстрашно подошел к нему вплотную:

– American general John Deane to see Marshal Voroshilov!

Часовой непонимающе заморгал, капитан Уэр перевел:

– Генерал Джон Дин, глава американской Военной миссии в Москве, к маршалу Ворошилову.

– А... а... а... – заикался часовой. – А в-вам на-назначено?

– Это неважно. Нам нужно к маршалу Ворошилову по срочному делу.

– Сейчас. Минуту... – Часовой нырнул за тяжелую дверь и исчез.

Американцы в недоумении остались на морозе. Поодаль столь же вынужденно торчали агенты наружки, старательно выискивая галок в низком сером небе. Минуты через три, когда

все – и американцы, и их энкавэдэшные сопровождающие – уже терли замерзающие уши, из дубовых дверей вышли сразу два офицера и три часовых.

– В чем дело? Кто такие? – спросил старший из офицеров с погонями капитана.

– А с кем мы имеем честь? – поинтересовался Уэр.

– Я начальник караула.

– А это генерал Джон Дин – глава американской Военной миссии в Москве, – объяснил

Уэр. – Мы его сопровождаем. Он пришел к маршалу Ворошилову. Маршал у себя?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.